

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БРИКС И АСЕАН: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы
международной научной конференции

Минск, 16 мая 2025 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2025

ISBN 978-985-881-850-0

© БГУ, 2025

УДК 339.92(06)
ББК 65.5я431

Редакционная коллегия:

кандидат политических наук *Е. А. Достанко* (гл. ред.);
кандидат экономических наук *Е. Я. Арапова*;
кандидат экономических наук *Н. В. Юрова*;
кандидат экономических наук *Г. Г. Головенчик*;
кандидат экономических наук *В. М. Дедок*

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор *А. В. Данильченко*;
кандидат экономических наук, доцент *Е. Н. Дудко*

БРИКС и АСЕАН: вызовы и перспективы сотрудничества : материалы
междунар. науч. конф., Минск, 16 мая 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.:
Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 1 электрон. опт.
диск (CD-ROM). – Текст : электронный. – ISBN 978-985-881-850-0.

Рассмотрены актуальные вопросы экономического сотрудничества со странами
БРИКС и АСЕАН в условиях санкций, аспекты формирования безопасности и взаимо-
действия в Евразии, особенности эконоинновационного развития стран БРИКС, влияние
человеческого фактора на развитие этих стран, возможности и ограничения альтерна-
тивной финансовой архитектуры сотрудничества стран БРИКС и АСЕАН, направле-
ния развития цифровой экономики Китая и др.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. В. Юрова*

Подписано к использованию 26.11.2025. Объем 1,5 МБ
Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-72-40.
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ..... 4

<i>Давыденко Е.Л.</i>	Эко-инновационное развитие стран-членов БРИКС.....	4
<i>Карачев И.А.</i>	Предпосылки и направления гармонизации политики создания специальных экономических зон БРИКС и АСЕАН	9
<i>Новикова Е.С., Воронова Т.А.</i>	Позиции Китая и США в странах АСЕАН: внешнеторговые и инвестиционные интересы	18
<i>Орлова А.В.</i>	Международное женское предпринимательство как перспектива сотрудничества АСЕАН и БРИКС	26
<i>Петрашевская А.В.</i>	Реализация концепции замкнутого цикла в Китае	35
<i>Юрова Н.В.</i>	Человеческий фактор развития стран БРИКС	42

РАЗДЕЛ II

МОЛОДЕЖНАЯ СЕССИЯ..... 50

<i>Гомулина А.А.</i>	Экономическая взаимозависимость стран БРИКС+ через призму региональной ориентации и торговой структуры.....	50
<i>Мэн Цзыминь</i>	Экономическая глобализация и цифровые цепочки создания стоимости: проблемы управления и пересмотр правил.....	58
<i>Назарова С.Ф.</i>	Инновационное предпринимательство – основа развития современной экономики.....	66
<i>Володина Е.В.</i>	Система высшего образования в странах-членах БРИКС: проблемы и перспективы развития.....	70
<i>Сюе Цяньвэнь</i>	Рейтинговый анализ умных городов Китайской Народной Республики	76
<i>Богатырева Е.А.</i>	Развитие сферы услуг стран и ее влияние на формирование человеческого потенциала	83
<i>Юркевич А. Д., Салата А. А.</i>	Перспективы укрепления торгово-инвестиционного сотрудничества стран БРИКС и АСЕАН	89

РАЗДЕЛ I ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ

ЭКО-ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН-ЧЛЕНОВ БРИКС

Е.Л. Давыденко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Davidenko@bsu.by*

В статье рассматриваются теоретические аспекты и перспективные направления эко-инновационного развития стран-членов БРИКС. Отмечается, что современная парадигма эко-инноваций формируется на стыке нескольких теоретических направлений, интегрируя достижения экологической экономики, инновационного менеджмента и теории устойчивого развития. Выделяются перспективные направления эко-инновационного развития стран БРИКС, включающие создание и внедрение технологических инноваций, «зеленую» трансформацию экономик, формирование платформ для сотрудничества и обмена опытом.

Ключевые слова: эко-инновации; зеленая экономика; устойчивое развитие; страны БРИКС.

ECO-INNOVATIVE DEVELOPMENT OF BRICS MEMBER STATES

E. L. Davydzienka

*Belarusian State University,
Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, Davidenko@bsu.by*

The article examines the theoretical aspects and promising areas of eco-innovative development of the BRICS member countries. It is noted that the modern paradigm of eco-innovations is formed at the junction of several theoretical directions, integrating the achievements of ecological economics, innovative management and the theory of sustainable development. Promising areas of eco-innovative development of the BRICS countries are highlighted, including the creation and implementation of technological innovations, the “green” transformation of economies, and the formation of platforms for cooperation and exchange of experience.

Keywords: eco-innovation; green economy; sustainable development; BRICS countries.

Сам термин «эко-инновации» связан с концепцией устойчивого развития, его формулировка и обоснование относится ко времени проведения Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей человека

среды 1972 года. Первое использование фразы «устойчивое развитие» можно найти еще до «Всемирной стратегии охраны природы» 1980 года, разработанной МСОП (ныне Международный союз охраны природы), Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Всемирным фондом дикой природы (WWF).

Значительный вклад в развитие концепции внес доклад Брундтланд, определивший устойчивое развитие как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Это определение неявно принимает идею пределов развития и роста, связанных с текущим состоянием технологий и социальной организации [1].

Современная парадигма эко-инноваций формируется на стыке нескольких теоретических направлений, интегрируя достижения экологической экономики, инновационного менеджмента и теории устойчивого развития. Анализ эволюции научных представлений позволяет выделить три ключевых этапа концептуализации эко-инноваций:

1) этап технологического детерминизма (1960-1980 гг.). На данном этапе эко-инновации рассматривались преимущественно как технологические решения экологических проблем. Доминировала парадигма «конца трубы», фокусирующаяся на минимизации негативных последствий производственной деятельности;

2) этап системной интеграции (1980-2000 гг.). Происходит переход к пониманию эко-инноваций как комплексного феномена, охватывающего технологические, организационные и социальные аспекты. Формируется концепция превентивного экологического менеджмента;

3) этап трансформационных изменений (с 2000 г. по настоящее время). Эко-инновации рассматриваются как драйвер фундаментальной трансформации социально-экономических систем в направлении устойчивого развития [2].

В последние три десятилетия понятие эко-инноваций приобрело фундаментальное значение в дебатах об устойчивости и часто рассматривается как важнейший инструмент для руководства переходом к устойчивому обществу [3]. По определению Европейской комиссии, эко-инновации представляют собой «любые инновации, направленные на достижение значительного и очевидного прогресса в реализации целей устойчивого развития путем сокращения воздействия на окружающую среду или достижения более эффективного и ответственного использования природных ресурсов» [4].

Данный подход подчеркивает дуальную природу эко-инноваций, сочетающих в себе как экономическую эффективность, так и экологическую ответственность.

Белорусские исследователи, в частности, Войтов И.В. и Гатих М.А., расширяют данное определение, включая в него социальный аспект и рассматривая эко-инновации как «системный подход к технологической модернизации, обеспечивающий одновременное достижение экономического роста, социального благополучия и экологической безопасности» [5].

Современные исследования демонстрируют растущую значимость институциональных факторов в развитии эко-инноваций. По данным Всемирного банка, в 2023 году страны с развитой институциональной средой демонстрировали в среднем на 40% более высокие показатели внедрения эко-инноваций [6]. В связи с этим особое значение приобретает концепция «тройной спирали», включающая государственные институты (нормативно-правовое регулирование), бизнес-структуры (внедрение инновационных решений), научно-исследовательские организации (разработка технологий). Эффективное взаимодействие 3 главных акторов приводит к созданию и коммерциализации инноваций. В настоящее время эта концепция получила дальнейшее развитие и модификацию - «четвертную» и «пятерную» спираль, объединяющую также гражданское общество и экологическую составляющую инноваций.

В контексте современной экономики эко-инновации становятся ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности. По данным международных исследований, компании, активно внедряющие эко-инновационные решения, демонстрируют в среднем на 15-20% более высокие показатели рентабельности по сравнению с традиционными предприятиями [7].

Особое значение приобретает процесс интеграции эко-инноваций в глобальные цепочки создания стоимости. Исследования показывают, что внедрение экологических инноваций позволяет компаниям:

- 1) получить доступ к премиальным сегментам рынка;
- 2) снизить транзакционные издержки;
- 3) укрепить позиции в международных производственных сетях;
- 4) повысить устойчивость бизнес-модели к внешним шокам [8].

Таким образом, анализ теоретических основ эко-инновационного развития демонстрирует особую значимость данного направления для национальных экономик. Эко-инновации предоставляют странам уникальные возможности для:

- 1) преодоления структурных ограничений через развитие наукоемких и экологически ориентированных производств с высокой добавленной стоимостью;

2) формирования новых конкурентных преимуществ на глобальных рынках за счет специализации в перспективных сегментах «зеленой экономики»;

3) повышения устойчивости национальной экономики через снижение ресурсозависимости и развитие инновационного потенциала;

4) эффективной интеграции в глобальные цепочки создания стоимости на основе экологических инноваций и технологий.

Для национальных экономик эко-инновации становятся не просто одним из направлений развития, а необходимым условием обеспечения долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого роста в условиях глобальных экологических вызовов и усиливающейся международной конкуренции. Это определяет необходимость формирования комплексной политики стимулирования эко-инноваций с учетом специфики национальных экономик и их структурных особенностей.

Эко-инновационное развитие стран-членов БРИКС представляет собой ключевой элемент их сотрудничества, направленный на достижение целей устойчивого развития, борьбу с изменением климата и внедрение передовых технологий. К ключевым аспектами этой деятельности можно отнести создание платформ для сотрудничества и обмена опытом. Международный Муниципальный Форум БРИКС (ММФ БРИКС) является ключевой площадкой для обсуждения экологических инициатив. В 2025 году запланирован VII ММФ БРИКС в Санкт-Петербурге, где будут обсуждаться внедрение экологически чистых технологий и управление ресурсами. На предыдущих форумах подписывались соглашения о переходе на возобновляемую энергетику и отдельную переработку мусора. Фонд поддержки деловых коммуникаций БРИКС Плюс организует мероприятия, посвященные балансу экологии и экономики. В 2023 году на форуме подписано 210 соглашений, включая проекты в сфере природопользования.

Для эффективной реализации имеющихся межгосударственных соглашений о сотрудничестве стран БРИКС в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности эксперты стран-членов предлагают сформировавшиеся в рамках сотрудничества ведомственные вертикальные связи дополнить интенсивными горизонтальными связями между ведущими организациями и экспертами стран БРИКС, занимающимися разработкой и реализацией проектов, имеющих особую значимость для их экологического сотрудничества. В связи с этим создание Экологической платформы БРИКС представляется не только целесообразным, но и крайне необходимым. Платформа может стать международным страте-

гическим партнерством, принимающим на себя значительную часть ответственности за темпы, результаты и перспективы экологического развития и сотрудничества стран БРИКС.

Важными направлениями сотрудничества стран БРИКС является создание и внедрение технологических инноваций и «зеленая» трансформация экономик. Успешные кейсы применения современных технологических решений в одной из стран БРИКС могут найти дальнейшее развитие и использование в других странах. Таким примером может быть цифровизация городской инфраструктуры в Москве с внедрением «цифрового двойника» для прогнозирования развития города, что включает оптимизацию транспортных и энергетических систем. Еще одним направлением сотрудничества является развитие возобновляемой энергетики. Для стран БРИКС будут релевантны различные практики осуществления энергоперехода и развития солнечной, ветряной и водородной энергетики. Например, Китай фокусируется на производстве «зеленого» водорода, Бразилия — на биотопливе и переработке отходов, Россия — на переходе с угля на газ и газогенерацию, ЮАР – на малой гидроэнергетике ветряных ферм и солнечных батареях. Но есть и ключевые позиции, на которых сходятся все страны объединения, а именно: долгосрочное сотрудничество в сфере зеленой повестки и переходного финансирования, поддержка целей устойчивого развития ООН, поддержка формирования энергобалансов и собственной энергетики на основе национальных приоритетов.

Следующее направление сотрудничества стран БРИКС – использование эко-инноваций в промышленности. Внедрение технологий 4IR (Четвертой промышленной революции) для снижения углеродного следа. Необходимо отметить, что несмотря на достигнутый уровень прогресса в определенных производственных отраслях и направлениях технологической модернизации промышленности, страны БРИКС пока не вышли на траекторию ускоренного развития этого сектора. Полученные результаты позволяют говорить о целесообразности разработки модельных институциональных механизмов для формирования дорожной карты повышения эффективности промышленного развития стран на основе глубокой технологической модернизации производственного сектора с использованием международного опыта.

Таким образом, эко-инновационное развитие в БРИКС базируется на сочетании технологий, финансирования и международного диалога. Несмотря на различия в приоритетах, страны демонстрируют единство в стремлении к углеродной нейтральности и устойчивому росту. Успехи в этой области зависят от дальнейшей интеграции регуляторных стандартов и усиления роли правительства, науки, бизнеса, гражданского общества в реализации проектов.

Библиографические ссылки

1. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс, 1989. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).
2. Рене, К. Концептуализация эволюции подходов к эко-инновациям: от технологического детерминизма к системным трансформациям. *Journal of Cleaner Production*. 2018. № 172. С. 2992–3001.
3. Kempf, R., & Dalhammar, C. (2023). Circular Economy and Eco-innovation: State of the Art and Challenges. *Journal of Cleaner Production*, 45(2), 224-238.
4. European Commission. Eco-innovation Action Plan. URL: https://ec.europa.eu/environment/ecoap/about-action-plan_en (дата обращения: 10.05.2025).
5. Войтов, И. В. Эко-инновационное развитие в контексте устойчивого роста. Минск: Беларуская навука, 2022. URL: <https://belaruska-navuka.by/publications/eco-innovation-2022> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Отчет о зеленых инновациях и росте 2023: влияние институциональной среды на эко-инновационную активность. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/world-bank-sustainability-review> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Innovation Policy: A Guide for Developing Countries. Washington, 2010. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/1adbf9b8-c7fb-504d-818d-9786447623ae> (дата обращения: 09.05.2025).
8. Егорова, Н. И. Экологические инновации и устойчивое развитие. URL: <https://www.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/nauka/izdaniya/trudy/2015/03/299-305.pdf> (дата обращения: 18.04.2025).

ПРЕДПОСЫЛКИ И НАПРАВЛЕНИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН БРИКС И АСЕАН

И.А. Карачев

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
ул. Советская, 14, 150003, г. Ярославль, Ярославская обл., Российская Федерация,
i.karachev@uniyar.ac.ru*

В статье на базе структурного и динамического анализа показателей взаимных объемов товарного и промышленного экспорта стран БРИКС и АСЕАН проведена оценка значимости и симметричности торговых связей стран, входящих в интеграционные блоки. Обоснована возможность повышения потенциала торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС и АСЕАН с использованием инструмента специальных экономических зон. Проведена оценка количественных (функциональное распределение) и качественных (положение в международном рейтинге) характеристик специальных зон в странах интеграционных блоков. На основе изучения международного опыта функционирования специальных экономических зон в странах БРИКС и АСЕАН выявлены концептуальные аспекты и практические решения зональной политики, а также оценены перспективы гармонизации подходов к ее реализации в рамках рассматриваемых интеграционных блоков.

Ключевые слова: товарный экспорт; промышленный экспорт; сложность экспорта; специальные экономические зоны; концептуальные аспекты политики; практические решения политики.

PREREQUISITES AND DIRECTIONS FOR POLICY HARMONIZATION OF BRICS AND ASEAN SPECIAL ECONOMIC ZONES

I. A. Karachev

*P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya str., Yaroslavl region, Yaroslavl 150003, Russian Federation,
i.karachev@uniyar.ac.ru*

The article uses structural and dynamic analysis of the indicators of mutual merchandise and manufactured exports of the BRICS and ASEAN countries to assess the significance and symmetry of trade relations of the countries that are members of the integration blocs. The article substantiates the possibility of increasing the potential of trade and economic cooperation between the BRICS and ASEAN countries using the tool of special economic zones. Quantitative (functional distribution) and qualitative (position in the international ranking) characteristics of special zones in the countries of integration blocs have been assessed. Based on the study of international experience in the functioning of special economic zones in the BRICS and ASEAN countries, the conceptual aspects and

practical solutions of the zone policy were identified, and the prospects for harmonising approaches to its implementation within the framework of the integration blocs under consideration were assessed.

Keywords: merchandise exports; manufactured exports; export complexity; special economic zones; conceptual policy aspects; practical policy solutions.

С расширением в последние годы интеграционного блока БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), в который вошли Египет, Эфиопия, Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Индонезия, а также присоединились в качестве официальных «стран-партнеров» Беларусь, Боливия, Куба, Казахстан, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда и Узбекистан, он становится важной платформой для сотрудничества в том числе с развивающимися рынками Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Несмотря на то, что интеграционный блок АСЕАН сосредоточен преимущественно на локальной интеграции, а глобальная инициатива БРИКС выходит за географические границы, объединяя различные экономики, с течением времени заметным является стремление к укреплению взаимных внешнеторговых связей [1, р. 156]. Важным инструментом развития взаимного экспортного потенциала стран БРИКС и АСЕАН выступают специальные экономические зоны (далее также – СЭЗ), политика в области создания которых имеет перспективы гармонизации.

Рассмотрим особенности торгового взаимодействия стран БРИКС и АСЕАН на основе анализа показателей экспорта и оценки его сложности, а также сопоставления масштабов внутривблоковой и межблоковой торговли (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Показатели экспорта стран БРИКС за период 2014 – 2023 гг

Показатель	2014	2016	2018	2020	2022	2023
Экспорт стран БРИКС (млрд долл. США)						
ТЭ	3 471	2 915	3 586	3 496	5 092	4 684
ПЭ	2 564	2 291	2 712	2 752	3 835	3 584
ПЭ (ТРТ)	591	529	564	567	705	639
ПЭ (ТТ – НК)	317	264	327	306	496	451
ПЭ (ТТ – СК)	651	623	758	803	1 194	1 212
ПЭ (ТТ – ВК)	1 005	875	1 064	1 076	1 440	1 282
Доля экспорта стран БРИКС внутри блока в экспорте стран БРИКС (%)						
ТЭ	8,5	8,2	9,8	9,7	10,3	11,5
ПЭ	7,0	6,6	7,3	7,1	8,0	9,4
ПЭ (ТРТ)	7,5	5,9	6,5	5,5	5,7	6,6
ПЭ (ТТ – НК)	7,1	6,3	6,8	7,6	7,0	7,9
ПЭ (ТТ – СК)	7,8	7,0	7,5	7,2	8,0	10,6
ПЭ (ТТ – ВК)	6,2	6,8	7,8	7,8	9,6	10,2

Окончание табл. 1

Показатель	2014	2016	2018	2020	2022	2023
Доля экспорта стран БРИКС в страны АСЕАН в экспорте стран БРИКС (%)						
ТЭ	9,5	10,3	10,5	12,5	12,8	12,8
ПЭ	10,0	10,5	11,0	13,1	13,8	13,4
ПЭ (ТРТ)	10,7	10,8	11,4	13,2	15,5	15,1
ПЭ (ТТ – НК)	14,4	15,6	14,3	16,8	16,9	16,8
ПЭ (ТТ – СК)	10,4	10,5	10,4	12,4	13,0	12,2
ПЭ (ТТ – ВК)	8,1	8,8	10,2	12,4	12,5	12,6

Примечание: ТЭ – товарный экспорт; ПЭ – промышленный экспорт; ТРТ – трудо- и ресурсоемкие товары; ТТ – НК – техноемкие товары (низкая квалификация); СК – средняя квалификация; ВК – высокая квалификация.

Источник: [2].

Анализ данных табл. 1 показывает, во-первых, высокую значимость для стран БРИКС экспортных поставок в страны АСЕАН, средняя доля которых в совокупном объеме товарного экспорта (11,4%) не только превышает среднюю долю экспортных поставок внутри БРИКС (9,7%), но и демонстрирует положительную динамику за рассматриваемый период, во-вторых, относительно низкую сложность товарного экспорта стран БРИКС в страны АСЕАН с преобладанием в ней техноемких товаров, требующих низкой квалификации, а также трудо- и ресурсоемких товаров.

Анализ данных табл. 2 показывает, во-первых, высокую значимость для стран АСЕАН экспортных поставок в страны БРИКС, средняя доля которых в совокупном объеме товарного экспорта (18,8%) сопоставима со средней долей экспортных поставок внутри АСЕАН (22,9%) и демонстрирует положительную динамику за рассматриваемый период, во-вторых, среднюю сложность товарного экспорта стран АСЕАН в страны БРИКС с преобладанием в ней техноемких товаров, требующих как низкой, так и высокой квалификации.

Таблица 2

Показатели экспорта стран АСЕАН за период 2014 – 2023 гг

Показатель	2014	2016	2018	2020	2022	2023
Экспорт стран АСЕАН (млрд долл. США)						
ТЭ	1 297	1 151	1 446	1 396	1 952	1 809
ПЭ	831	814	1 004	1 015	1 330	1 265
ПЭ (ТРТ)	123	129	155	162	192	183
ПЭ (ТТ – НК)	51	44	60	64	105	98
ПЭ (ТТ – СК)	190	188	226	212	286	283
ПЭ (ТТ – ВК)	468	453	563	577	746	700

Окончание табл. 2

Показатель	2014	2016	2018	2020	2022	2023
Доля экспорта стран АСЕАН внутри блока в экспорте стран АСЕАН (%)						
ТЭ	25,1	23,4	23,6	20,8	22,3	22,0
ПЭ	22,4	21,3	20,8	18,5	19,2	19,5
ПЭ (ТРТ)	12,0	11,3	11,1	9,9	10,3	10,8
ПЭ (ТТ – НК)	34,6	31,4	30,9	26,4	23,2	23,9
ПЭ (ТТ – СК)	29,2	27,9	26,5	22,6	22,5	22,2
ПЭ (ТТ – ВК)	21,1	20,3	20,1	18,5	19,7	20,0
Доля экспорта стран АСЕАН в страны БРИКС в экспорте стран АСЕАН (%)						
ТЭ	16,7	16,9	18,9	19,9	19,8	20,2
ПЭ	15,6	14,8	17,2	18,1	17,8	18,0
ПЭ (ТРТ)	8,0	8,8	10,6	10,8	8,6	10,9
ПЭ (ТТ – НК)	10,2	11,6	13,9	26,0	27,7	25,6
ПЭ (ТТ – СК)	13,1	12,1	13,1	14,1	12,8	13,9
ПЭ (ТТ – ВК)	19,3	18,0	21,1	20,6	20,7	20,4

Источник: [2].

Таким образом, статистические данные свидетельствуют об относительной значимости и симметричности взаимных экспортных потоков стран БРИКС и АСЕАН. Поскольку во взаимной экспортной «корзине» техноемкие товары разной степени передела преобладают над трудо- и ресурсоемкими, а также сырьевыми товарами, страны БРИКС и АСЕАН способны выстраивать взаимовыгодное торговое сотрудничество на долгосрочной основе.

Одним из значимых инструментов повышения внешнеторгового потенциала является политика создания специальных экономических зон – территорий с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности [3, с. 39].

Регулятивный режим подобных специальных зон охватывает налоговую, таможенную, а также инфраструктурную поддержку.

Зональная политика стран БРИКС и АСЕАН является достаточно развитой, одни страны отличаются большим разнообразием СЭЗ, а другие – большим числом СЭЗ (табл. 3).

Отдельные СЭЗ стран БРИКС и АСЕАН отмечаются экспертами на международном уровне, о чем свидетельствуют данные ежегодного рейтинга Global Free Zones of the Year (табл. 4).

Таблица 3

Число и функциональное распределение СЭЗ в странах БРИКС и АСЕАН по данным на начало 2020 г

Интеграционный блок - страна	Число СЭЗ, ед.	Тип СЭЗ (процентное распределение)			
		ТСЭЗ	МСЭЗ	ССЭЗ	ИСЭЗ
БРИКС	3 086	0,7%	79,6%	13,7%	5,9%
Бразилия	32	3,1%	78,1%	18,8%	0,0%
Россия	130	1,5%	23,1%	70,0%	5,4%
Индия	373	1,1%	8,8%	84,7%	5,4%
Китай	2 543	0,6%	92,8%	0,4%	6,1%
ЮАР	8	0,0%	100,0%	0,0%	0,0%
АСЕАН	736	2,0%	12,9%	84,8%	0,3%
Филиппины	528	0,0%	0,0%	100,0%	0,0%
Таиланд	74	0,0%	83,8%	16,2%	0,0%
Малайзия	45	0,0%	8,9%	88,9%	2,2%
Камбоджа	31	3,2%	32,3%	64,5%	0,0%
Вьетнам	19	0,0%	78,9%	15,8%	5,3%
Индонезия	13	0,0%	7,7%	92,3%	0,0%
Лаос	12	25,0%	0,0%	75,0%	0,0%
Сингапур	10	100,0%	0,0%	0,0%	0,0%
Мьянма	3	0,0%	100,0%	0,0%	0,0%
Бруней	1	100,0%	0,0%	0,0%	0,0%

Примечание: СЭЗ – специальная экономическая зона; ТСЭЗ – торговая СЭЗ; МСЭЗ – многопрофильная СЭЗ; ССЭЗ – специализированная СЭЗ; ИСЭЗ – инновационная СЭЗ.

Источник: [2].

Таблица 4

Данные рейтинга Global Free Zones of the Year 2014 – 2023 по СЭЗ стран БРИКС и АСЕАН

Наименование СЭЗ	Страна	GFZ – 2014 – 2023						Число высочайших мест в рейтинге	
		ГУ		РУ				ГУ	РУ
		П	ВО	АТР		Европа			
				П	ВО	П	ВО		
Mundra SEZ	Индия	–	–	–	1	–	–	0	1
Mahindra World City Chennai		–	–	–	1	–	–	0	1
Sri City		–	–	1	–	–	–	0	1
Dahej SEZ		–	–	–	1	–	–	0	1
Waigaoqiao FTZ	Китай	–	1	2	5	–	–	1	7
Dalian FTZ		–	1	2	–	–	–	1	2
China (Guangxi) Pilot FTZ		–	1	1	–	–	–	1	1

Окончание табл. 4

Наименование СЭЗ	Страна	GFZ – 2014 – 2023						Число вы- соких мест в рейтинге	
		ГУ		РУ				ГУ	РУ
		П	ВО	АТР		Европа			
				П	ВО	П	ВО		
SEZ Lipetsk	Россия	–	–	–	–	1	–	0	1
Amata City Chonburi	Таиланд	–	1	1	–	–	–	1	1
Subic Bay Freeport Zone	Филиппины	–	–	2	–	–	–	0	2

Примечание: ГУ – глобальный уровень; РУ – региональный уровень; П – победитель; ВО – высокие оценки; АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион.

Источник: [4].

Анализ международного опыта функционирования СЭЗ в странах БРИКС и АСЕАН за период 2014 – 2023 гг. позволил выявить концептуальные аспекты проводимой странами зональной политики, а также подтвердить степень их реализации на основе конкретных практических решений (табл. 5).

Таблица 5

Концептуальные аспекты и практические решения в рамках зональной политики стран БРИКС и АСЕАН

№ п/п	Концептуальный аспект и практическое решение в рамках зональной политики	БРИКС	АСЕАН
		реализуется (+) / не реализуется (-) / реализуется частично (+/-)	
1	<i>Развитая сеть логистической, инженерной, энергетической, социальной и рекреационной и иной инфраструктуры</i>	+	+
	Практические решения: Mundra SEZ (Индия): терминал по переработке сжиженного газа и установление железнодорожного сообщения в СЭЗ; China (Guangxi) Pilot FTZ (Китай): развитие транспортных коридоров для связи Китая со странами АСЕАН; Subic Bay Freeport Zone (Филиппины): развитие базовой производственной и вспомогательной инфраструктуры (дороги к терминалам)		
2	<i>Реализация программ поддержки с упором на сектор малых и средних предприятий</i>	+	+
	Практические решения: Aequus SEZ (Индия): сеть акселерационных центров; St Petersburg SEZ (Россия): сотрудничество с бизнес-инкубаторами для стартапов в рамках перехода к серийному производству; Kinhbac City Industrial Parks (Вьетнам): специализация парков на предоставлении коммерческих площадей малым компаниям в целях быстрого запуска инвестиционных проектов		
3	<i>Стимулирование создания отраслевых кластеров и реализации кооперационных проектов резидентов</i>	+	+/-

№ п/п	Концептуальный аспект и практическое решение в рамках зональной политики	БРИКС	АСЕАН
		реализуется (+) / не реализуется (-) / реализуется частично (+/-)	
4	Практические решения: Mundra SEZ (Индия): кластеры по текстилю, химии, электронике и логистике; Ramanujan IT City SEZ (Индия): ИТ-коридор Ченнаи позволяет малым ИТ-компаниям концентрироваться вокруг крупных инвесторов, таких как Cisco; Amata City Chonburi (Таиланд): масштабный автомобильный кластер		
5	<i>Внедрение экосистемы цифровых решений и инноваций</i>	+	+
	Практические решения: Dahej SEZ (Индия): платформа электронного документооборота для взаимодействия в рамках СЭЗ; Ceara FTZ (Бразилия): внедрение мобильного приложения для планирования таможенного транзита; Amata City Chonburi (Таиланд): разветвленная подземная оптоволоконная сеть для развертывания технологических решений; Clark Freeport Zone (Филиппины): система электронной регистрации бизнеса		
6	<i>Встраивание СЭЗ в производственную экосистему страны</i>	+	-
	Практические решения: SEZ Alabuga (Россия): сеть промышленных парков (в том числе «Алабуга-2 Нефтехимия») с оборудованными площадями для резидентов; Coega SEZ (ЮАР): разделение СЭЗ на 14 производственным компаниям – экспортерам разных секторов; Mindspace Madhapur (Индия): экосистема для ИТ-компаний		
7	<i>Активная работа по упорядочению бизнес-процессов и уменьшению бюрократии</i>	+	+
	Практические решения: Waigaoqiao FTZ (Китай): система управления инвестициями и торговлей; единый центр для решения иммиграционных вопросов иностранных рабочих; Kinhbac City Industrial Parks (Вьетнам): собственные таможенные пункты в СЭЗ		
8	<i>Персонализация подходов к государственной поддержке</i>	+	+
	Практические решения: Waigaoqiao FTZ и Dalian FTZ (Китай): гибкий регулятивный режим; Kinhbac City Industrial Parks (Вьетнам): особые льготы для резидентов, реализующих проекты в сферах науки, высоких технологий и программного обеспечения		
9	<i>Реализация стратегии экологического перехода</i>	+/-	+/-
	Практические решения: Waigaoqiao FTZ (Китай): стратегия экологизации строительных и промышленных проектов; Amata City Chonburi (Таиланд): эко-промышленный комплекс с системой управлением энергопотреблением		
10	<i>Развитие сотрудничества с научными и учебными заведениями</i>	+	-
	Практические решения: Dalian FTZ (Китай): создание совместно с научно-исследовательскими институтами и стартапами в области искусственного интеллекта Dalian Digital Valley Park; SEZ Lipetsk (Россия): сотрудничество с учебными заведениями в целях формирования кадров для резидентов		

№ п/п	Концептуальный аспект и практическое решение в рамках зональной политики	БРИКС	АСЕАН
		реализуется (+) / не реализуется (-) / реализуется частично (+/-)	
11	<i>Создание в рамках СЭЗ сети гибридных и модульных производственных объектов</i>	–	
	Практические решения: Amata City Chonburi (Таиланд): сеть гибридных (модульных) пространств с возможностью их адаптации под потребности инвесторов		

Примечание: ИТ – информационные технологии.

Источник: [4].

Анализ данных табл. 5 позволяет отметить позитивную динамику гармонизации зональной политики в странах БРИКС и АСЕАН. В числе перспективных направлений дальнейшей ее гармонизации следует обозначить (а) внедрение подходов в области устойчивого развития, (б) интеграцию СЭЗ в производственную систему страны, в том числе через развитие кластерной политики, (в) повышение адаптивности предлагаемых резидентам инфраструктурных решений, (г) выстраивание эффективной модели взаимодействия с образовательными и научными организациями.

Таким образом, гармонизация подходов в области осуществления политики создания СЭЗ, по нашему мнению, позволит не только усилить торговые связи между странами БРИКС и АСЕАН, но стать надежной базой для повышения потенциала промышленного и инвестиционного сотрудничества интеграционных блоков.

Библиографические ссылки

1. Porca-Konjikusic, S. Global Economic Integration: How do ASEAN and BRICS organizations contribute to the process? BRICS Journal of Economics. 2024. Vol. 5, № 2. P. 155–168.
2. UNCTADstat Data Hub. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Карачев, И.А. Мировой опыт создания и функционирования специальных экономических зон. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2020. № 4 (186). С. 38–46.
4. Global Free Zones of the Year Ranking 2014-2023. URL: <https://www.fdiintelligence.com/rankings-and-awards> (дата обращения: 05.05.2025).

ПОЗИЦИИ КИТАЯ И США В СТРАНАХ АСЕАН: ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Е.С. Новикова

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Стремянный пер., 36, Москва, Россия, Novikova.ES@rea.ru*

Т.А. Воронова

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Стремянный пер., 36, Москва, Россия, tanyv@rambler.ru*

В статье рассматриваются конкурентные преимущества экономик Китая и США в странах АСЕАН на фоне происходящей регионализации мировой экономики, а также текущей торговой войны между Китаем и США. Анализ включает в себя статистику внешнеторгового оборота Китая и США со всеми странами АСЕАН, в том числе экспорт и импорт; категории товаров по ключевым торговым партнерам региона с ведущими экономиками мира, а также инвестиционные вложения Китая и США по ключевым партнерам, включая Индонезию, Вьетнам, Сингапур и Таиланд. На основе полученных данных сделаны выводы о потенциале взаимодействия стран АСЕАН с Китаем и США, а также на основе полученных данных сделано предположение о роли ключевых стран-партнеров объединения АСЕАН для двух ведущих экономик мира.

Ключевые слова: Китай; США; АСЕАН; конкурентные преимущества; внешне-торговый оборот; прямые иностранные инвестиции; промышленный хаб.

POSITIONS OF CHINA AND USA IN ASEAN COUNTRIES: TRADE AND INVESTMENT INTERESTS

E.S. Novikova

*Plekhanov Russian Economic University,
Stremyanny per., 36, Moscow, Russia, Novikova.ES@rea.ru*

T.A. Voronova

*Plekhanov Russian Economic University,
Stremyanny per., 36, Moscow, Russia, tanyv@rambler.ru*

The article examines the competitive advantages of the Chinese and US economies in the ASEAN countries against the backdrop of the ongoing regionalization of the global economy, as well as the current trade war between China and the US. The analysis includes statistics on foreign trade turnover between China and the US with all ASEAN countries, including exports and imports; categories of goods by key trading partners of the region with the world's leading economies, as well as investment by China and the US in key partners, including Indonesia, Vietnam, Singapore and Thailand. Based on the data obtained, conclusions are made about the potential for interaction between ASEAN countries with

China and the US, and an assumption is made about the role of key partner countries of the ASEAN association for the two leading economies of the world.

Keywords: China; USA; ASEAN; competitive advantages; trade turnover; foreign direct investments; industrial hub/

Принимая во внимание текущие тенденции в области регионализации мировой экономики, что стало следствием торговой войны между ведущими экономиками мира, важным аспектом является анализ позиций Китая и США по отношению к различным рынкам, являющимся наиболее перспективными с точки зрения дальнейшего их экономического роста в условиях стагнации развитых экономик мира.

Одним из таких рынков является объединение стран АСЕАН, которое за последние годы показало значительный экономический рост с положительной динамикой, а также рост населения региона и потребительского рынка. Так, совокупный ВВП стран объединения в 2023 году увеличился на 4,1%, составив 3,8 трлн долларов. В 2024 году рост ВВП ускорился до 4,6%, а к концу 2025 года по прогнозам МВФ ожидается 4,7%, учитывая высокий внутренний спрос и экспорт экономик данного блока [1]. При этом, наибольший устойчивый рост экономики ожидается от Индонезии, Филиппин и Вьетнама. В совокупности же страны АСЕАН представляют собой третью экономику в Азии и пятую в мире после США, Китая, Германии и Японии.

Что касается населения объединения стран АСЕАН, то оно на апрель 2025 года составило 698 млн. человек, что на 3% больше значения 2023 года [2].

Более того, в отличие от населения развитых экономик, где преобладает пожилое население, почти половина населения АСЕАН моложе 30 лет, что предполагает большое количество потенциальных работников в экономике региона.

Таким образом, объединение стран АСЕАН является наиболее перспективным с точки зрения развития рынков для всей мировой экономики, в связи с чем необходимо рассмотреть более детально экономическую активность Китая и США в данном регионе, учитывая, что основные направления экспорта и импорта товаров АСЕАН распределяются между странами АСЕАН, Китаем, США, странами ЕС, Японией и Южной Кореей (последние официальные данные на конец 2023 года) [3].

Если рассмотреть внешнеторговый оборот стран АСЕАН с Китаем за 2023 год, то здесь наибольшие объемы торговли можно наблюдать у Вьетнама.

При этом доля импорта будет составлять более 60% по отношению ко всему обороту страны с Китаем. На второй и третьей позициях с незначительной разницей располагаются Индонезия и Сингапур, а объемы экспорта и импорта у них по отношению к Китаю в большей степени сбалансированы (табл.1).

Интересно, что у всех ключевых экономик АСЕАН внешнеторговый оборот с Китаем за 2023 год снизился по сравнению с предыдущим периодом, тем не менее общий оборот региона является наибольшим, а его пропорции составляют 60% и 40% в пользу импорта.

Таблица 1

Внешнеторговый оборот стран АСЕАН с Китаем, 2023 год

Страны АСЕАН	Внешнеторговый оборот, млрд долл.	Внешнеторговый оборот, темп прироста к 2022 г., %	Экспорт, млрд долл.	Темп прироста к 2022 г., %	Импорт, млрд долл.	Темп прироста к 2022 г., %
Бруней	2,6	-8,8	1,85	-9,3	0,75	-7,4
Вьетнам	171	-2,3	61	7	110	-6,8
Индонезия	127,8	-4,3	65	-1,2	62,8	-7,4
Камбоджа	12,3	5	1,5	20	10,8	3
Лаос	4,4	2	2,3	-4	2,1	10,5
Малайзия	99	-11,6	42	-13,4	57	-10
Мьянма	8,5	-8,6	3,4	-8	5,1	-8,9
Сингапур	124,5	-2	65,6	2,5	58,9	-6,5
Таиланд	105	-0,2	34	-1,2	71	0,3
Филиппины	42	3	11	0	31	4
Итого	697	-3,5	287,4	-1,2	409,6	-5

Источник: [8].

Что касается торгового взаимодействия стран АСЕАН с США, то оно является вторым по значимости, составляя порядка 57% внешнеторгового оборота Китая (табл. 2).

При этом основным торговым партнером США также является Вьетнам (третья часть всего торгового оборота), но только в случае с США у Вьетнама, наоборот, практически 90% экспорта в США, что может объясняться тем, что китайские компании используют Вьетнам в качестве промышленного хаба по производству продукции и его экспорту в США в обход американских пошлин против Китая.

На второй позиции находится Сингапур, который является посредническим финансовым центром как для стран АСЕАН, так и для США, а также Таиланд на третьей позиции.

Таблица 2

Внешнеторговый оборот стран АСЕАН с США, 2023 год

Страны АСЕАН	Внешнеторговый оборот, млрд долл.	Внешнеторговый оборот, темп прироста к 2022г., %	Экспорт, млрд долл.	Темп прироста к 2022 г., %	Импорт, млрд долл.	Темп прироста к 2022 г., %
Бруней	0,36	-10	0,06	снижение в 2 раза	0,3	7
Вьетнам	111	-10,5	97	-11	14	-7
Индонезия	34	-15	23	-18	11	-8
Камбоджа	9,3	-1	9	-1	0,3	0
Лаос	0,3	-33	0,1	-9	0,2	-41
Малайзия	55	-10	35	-8	20	-13
Мьянма	0,8	-11	0,6	-25	0,2	в 2 раза
Сингапур	96	0	44	-2	52	2
Таиланд	68	4,6	48	2	20	11
Филиппины	20	-13	11	-15	9	-10
Итого	395	-6	268	-7,6	127	-2

Источник: [8].

Стоит отметить, что если у Китая страны АСЕАН в большей степени импортируют продукцию, то для США Юго-Восточный регион занимается экспортом производимых товаров. В связи с этим необходимо рассмотреть категории товаров, по которым в наибольшей степени осуществляется торговый оборот между обозначенными выше странами АСЕАН с Китаем и США.

Для данного анализа были отобраны 3 первые торговые категории с наибольшим стоимостным объемом по каждой из стран АСЕАН, с которыми у Китая и США наблюдается максимальный внешнеторговый оборот (табл. 3).

Таким образом, получается, что по основным торговым партнерам из стран АСЕАН товарные категории практически идентичны как для Китая, так и США. При этом США в большей степени экспортирует продукцию, а Китай практически в равных пропорциях занимается как экспортом, так и импортом товаров.

В дополнение к промышленному оборудованию США также занимается импортом одежды, произведенной во Вьетнаме и Индонезии.

Таблица 3

Экспорт и импорт товаров ведущих торговых партнеров из стран АСЕАН с Китаем и США по категориям продукции, 2023 год

Торговый партнер из стран АСЕАН	Китай		Категория продукции	США	
	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.		Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.
Вьетнам	31,6	42,8	Электрооборудование, телевизоры, оборудование звукозаписи	35,9	4,1
	6,1	11,8	Ядерные реакторы, машинное оборудование	9,6	0,4
	0,017	5,7	Железо и сталь		
			Одежда и изделия из нее	14,2	0,004
Индонезия	18,3	3,1	Железо и сталь		
	17,6	1,9	Минеральное топливо и нефть	16,5	2,2
	0,25 млрд	14,6	Ядерные реакторы, машинное оборудование		
			Одежда и изделия из нее	4,4	0,003
			Электрооборудование, телевизоры, оборудование звукозаписи	3,5	0,4
Сингапур	24	21	Электрооборудование, телевизоры, оборудование звукозаписи	13,2	3,9
	11,9	10,2	Ядерные реакторы, машинное оборудование	9,4	18,2
	3,6	7,5	Минеральное топливо и нефть	2,8	8,8
Таиланд	3,1	20,7	Электрооборудование, телевизоры, оборудование звукозаписи	16,6	2,6
	3,1	10,8	Ядерные реакторы, машинное оборудование	10,3	2,1
	6,2	0,65	Фрукты и орехи		
			Минеральное топливо и нефть	0,01	4,8

Источник: [8].

Что касается Вьетнама, то очевидным является обоюдный интерес к данной экономике как со стороны Китая, так и США, доказательством чего является подписанное двумя странами с ним всеобъемлющего стратегиче-

ского соглашения о партнерстве. Вьетнам рассматривается в качестве производственного хаба, куда переносятся производства из Китая и других азиатских экономик по причине дешевизны рабочей силы, а также налаженной и при этом недорогой инфраструктуры для дальнейшего экспорта готовой продукции в США, Китай и другие страны.

Также интересным является тот факт, что за последние годы страны АСЕАН смогли привлечь в свой регион значительный объем прямых иностранных инвестиций. Так, за 2023 год страны АСЕАН привлекли ПИИ на сумму в 230 млрд долларов, что на 10,6% больше 2021 года, в то время как общемировой объем ПИИ снизился на 18% за тот же промежуток времени [4].

При этом основным инвестором в страны АСЕАН за 2023 год стали США, инвестируя 74,9 млрд долларов или треть всех мировых инвестиций в данное объединение. Более того, объем американских инвестиций по сравнению с 2022 годом вырос в 2,5 раза, что указывает на значительно возросший интерес США к региону. Что же касается Китая, то его инвестиции в регион выросли по сравнению с 2022 годом на 18,5% до 17,6 млрд долларов, что является третьим значением после США и самих стран-членов объединения АСЕАН, инвестирующих друг в друга (21,9 млрд долларов за 2023 год) [5].

Если же рассматривать сами страны АСЕАН, то наибольший объем ПИИ за 2023 год был привлечен Сингапуром (160 млрд долларов или 70% всех инвестиций), Индонезией (21,6 млрд долларов) и Вьетнамом (18,5 млрд долларов). Вместе эти три экономики привлекли 87% всех инвестиций в объединение АСЕАН. При этом, если США инвестировали в наибольшей степени в Сингапур (98% всех инвестиций), то Китай помимо Сингапура инвестировал в Индонезию, Таиланд и Вьетнам (таблица 4).

Таблица 4

Объем ПИИ в ключевые страны АСЕАН для Китая и США, 2023 год

Страна-инвестор	Страны АСЕАН	Объем ПИИ, млрд долл.	Темп прироста к 2022 г., %
Китай	Вьетнам	2,7	17
	Индонезия	1,7	-51
	Сингапур	7,1	24
	Таиланд	1,9	в 2,4 раза
США	Вьетнам	1,2	9
	Индонезия	1,1	-45
	Сингапур	73,2	в 4,2 раза
	Таиланд	0,4	-75

Источник: [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что Китай и США рассматривают объединение стран АСЕАН как один из наиболее привлекательных для себя рынков в условиях регионализации всей мировой экономики. Ключевыми странами, как для Китая, так и для США являются Вьетнам, Сингапур и Индонезия. Что касается Индонезии, то она отличается наибольшей численностью населения среди стран АСЕАН и быстрым ростом экономики. Более того, данная экономика обладает богатыми запасами полезных ископаемых, включая в том числе никель, медь и бокситы. Следствием этого, Индонезия позиционирует себя как возможный центр по производству аккумуляторов и электромобилей, а США оказывает Индонезии поддержку в развитии полупроводниковой отрасли [6].

В настоящее время Вьетнам можно рассматривать в качестве промышленного хаба между Китаем и США, который обладает не только дешевой рабочей силой и необходимой инфраструктурой в области промышленного производства, но и является второй экономикой в мире по запасам редких металлов, так необходимых для производства полупроводников и микропроцессоров [7].

Сингапур является наиболее развитой экономикой объединения АСЕАН, в связи с чем привлекает наибольшее количество ПИИ, является одним из крупнейших финансовых центров азиатского региона, а также занимается производством наиболее высокотехнологического оборудования, что вызывает интерес и у Китая, и у США.

В дальнейшем международное сотрудничество между странами АСЕАН, Китаем и США продолжат свое развитие, при этом у США есть все шансы нарастить внешнеторговый оборот и увеличить объемы ПИИ в данном регионе. Учитывая противостояние Китая и США, последние могут помешать Китаю стать основным торговым партнером стран АСЕАН, что скажется в дальнейшем на замедлении экономического роста Китая и одновременном увеличении экономического потенциала США.

Библиографические ссылки

1. Экономика АСЕАН: Бум инвестиций и «страны-специалисты», Исследование Росконгресса. URL: <https://roscongress.org/materials/ekonomika-asean-bum-investitsiy-i-strany-spetsialisty/> (дата обращения: 01.05.2025)

2. Статистика по количеству населения в странах АСЕАН. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/south-eastern-asia-population/> (дата обращения: 01.05.2025)

3. ASEAN: Enhancing Connectivity and Resilience, Report, 2024. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/12/ASEAN-AR-2024_e-pub_web.pdf (дата обращения: 02.05.2025)

4. ASEAN Investment Report 2024. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/AIR2024-3.pdf> (дата обращения: 03.05.2025)

5. Why is ASEAN the hotspot for foreign direct investment in 2024. URL: <https://www.sourceofasia.com/why-is-asean-the-hotspot-for-foreign-direct-investment-in-2024/> (дата обращения: 05.05.2025)

6. США обращаются к Индонезии за многонациональным партнерством по важнейшим минеральным ресурсам. URL: <https://translom.ru/news/ssha-obrashchayutsya-k-indonezii-za-mnogonatsionalnym-partnerstvom-po-vazhneyshim-mineralnym-resursa> (дата обращения: 04.05.2025)

7. China's Manufacturing Presence in Vietnam: Locations and Future Growth. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/china-manufacturing-presence-vietnam-locations-future-growth.html/> (дата обращения: 05.05.2025)

8. ASEAN Statistics Division (ASEANstats). URL: <https://www.aseanstats.org/> (дата обращения: 05.05.2025)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА АСЕАН И БРИКС

А.В. Орлова

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
ул. Советская 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, alinavl@yandex.ru*

В статье предпринята попытка раскрыть новые области сотрудничества международных объединений АСЕАН и БРИКС. В качестве таковой рассмотрено международное женское предпринимательство. Представлена общая характеристика участия женщин в предпринимательстве в объединениях, дана оценка его интернационализации. Выделены основные перспективные направления и выгоды сотрудничества АСЕАН и БРИКС в области международного женского предпринимательства.

Ключевые слова: глобальная экономика; международное объединение; женское предпринимательство; интернационализация женского предпринимательства; международное женское предпринимательство.

INTERNATIONAL WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP AS A PROSPECT FOR COOPERATION BETWEEN ASEAN AND BRICS

A.V. Orlova

*Francisk Skorina Gomel State University
Sovetskaya street 104, 246019, Gomel, Belarus, alinavl@yandex.ru*

The article attempts to reveal new areas of cooperation between international associations of ASEAN and BRICS. As such, international women's entrepreneurship is considered. A general characteristic of women's participation in entrepreneurship in associations is presented, and an assessment of its internationalization is given. The main promising areas and benefits of cooperation between ASEAN and BRICS in the field of international women's entrepreneurship are highlighted.

Keywords: global economy; international unification; women's entrepreneurship; internationalization of women's entrepreneurship; international women's entrepreneurship.

В настоящее время в условиях создания многополярного мира, явившегося реакцией на глобальные вызовы и кризисы последних десятилетий, формируются новые экономические центры, среди которых – АСЕАН и БРИКС. Это актуализирует поиск и активизацию новых возможностей для укрепления сотрудничества между странами, международными объединениями, заинтересованными в стратегическом партнерстве.

АСЕАН и БРИКС представляют собой объединения стран, созданные для сотрудничества в различных сферах, среди которых ключевое место занимает экономическое сотрудничество (табл. 1).

Таблица 1

Общая характеристика АСЕАН и БРИКС

	АСЕАН	БРИКС
Год создания	1967 г.	2006 г.
Статус	Региональная организация стран Юго-Восточной Азии	Межгосударственное неформальное объединение
Цели создания	Ускорение экономического роста, достижение социального прогресса, налаживание культурного сотрудничества.	Коллективное увеличение темпов экономического роста, укрепление позиций стран-участниц в мире
Специализация	Торгово-инвестиционное сотрудничество	Торгово-инвестиционное и валютно-финансовое сотрудничество
Страны-участницы	Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Таиланд, Лаос, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа	Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Иран, Египет, Эфиопия, ОАЭ, Саудовская Аравия, Индонезия.
Статусы для других стран	Наблюдатели (Восточный Тимор, Папуа – Новая Гвинея). Партнеры по диалогу (Новая Зеландия, Корея, Россия, ЕС, Канада, Великобритания). Стратегические партнеры (Австралия, Индия, КНР, США, Япония). Партнеры по развитию (Германия, Италия, Нидерланды, Перу, Франция, Чили).	Партнеры (Республика Беларусь, Боливия, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда, Узбекистан)
Наиболее значимые инициативы	В 2020 г. создано Всестороннее региональное экономическое партнерство – крупнейшая зона свободной торговли. Входят 15 стран.	Финансовые институты: Пул валютных резервов и Новый банк развития БРИКС

Деятельность АСЕАН в последние три десятилетия была направлена на углубление как внутренней интеграции экономик стран-участниц, так и интеграцию в мировую экономику. Это нашло отражение в намерении сформировать зону свободной торговли внутри объединения. Так, в 2020 г. было создано Всестороннее региональное экономическое партнерство, которое представляет собой торговое объединение и является крупнейшей

зоной свободной торговли в мире. Этот процесс сопровождался постепенной отменой торговых тарифов. Помимо этого, АСЕАН активно развивает связи с международными организациями и политико-торговыми объединениями.

Страны-члены АСЕАН образуют пятую крупнейшую экономику мира. Совокупный ВВП в 2023 г. составлял 3,8 трлн. долл. США, или 3,6 % от мирового. За исключением пандемического периода блок демонстрирует ежегодный экономический рост на 4-5 % благодаря таким факторам, как высокий внутренний спрос и экспорт. Пятая часть экспорта приходится на торговлю внутри объединения. Другими экспортными направлениями являются: Китай (15,9 %), США (14,9 %), ЕС (8,6 %), Япония (6,7%) [1].

БРИКС, созданное на фоне усиливающихся глобальных вызовов, нацелена на совместное использование потенциала динамично развивающихся экономик. Среди ключевых приоритетов объединения – содействие использованию национальных валют стран-участниц во взаимных расчетах для ускорения экономического роста. В рамках объединения созданы: Пул валютных резервов и Новый банк развития БРИКС. Данные институты направлены на поддержание финансовой стабильности и расширение финансового сотрудничества между странами, входящими в объединение.

В 2024 г. совокупный ВВП стран-участниц БРИКС составлял 37,4% от мирового, что превышает экономику стран «Большой семерки». Взаимная торговля в рамках блока по оценкам аналитиков растет более быстрыми темпами по сравнению с мировой. По данным исследовательского центра «Международная торговля и интеграция» ежегодный прирост взаимной торговли за последние 10 лет составил 13,5% [2].

Очевидно, что АСЕАН и БРИКС занимают значимое место в глобальной экономике и представляют собой масштабные международные рынки. Помимо этого, межгосударственные объединения обладают широкими возможностями и потенциалом для углубления и расширения сотрудничества как внутри объединений, так и между собой. Накопленный опыт межгосударственных связей открывает перспективы для их использования в разнообразных областях общих интересов, среди которых можно выделить международное женское предпринимательство.

В последние десятилетия для глобальной экономики характерен процесс интернационализации женского предпринимательства. Женщины-предприниматели активно создают новые предприятия, ориентированные на международные рынки и экспорт, внедряют инновации.

В настоящее время международное женское предпринимательство стало неотъемлемой частью глобальной экономики. Это обусловлено, с

одной стороны, процессами глобализации и международного разделения труда, которые способствуют получению таких выгод для женщин-предпринимателей, как расширение рынков сбыта продукции, сокращение издержек, доступ к иностранному капиталу и технологиям, с другой, – поиском новых точек роста глобальной экономики, что обусловило активизацию мирового сообщества в направлении реализации специальных мер содействия интернационализации женского предпринимательства.

Международное женское предпринимательство входит в область интересов АСЕАН и БРИКС.

В рамках АСЕАН в 1981 г. создана региональная неправительственная организация Конфедерация женских организаций АСЕАН [3]. Она организует региональные форумы для женщин, основная задача которых полная интеграция женщин в процесс развития и реализации стратегий и программ, принятых страна-членами, в том числе, в области предпринимательства. В рамках форумов проводятся информационные мероприятия (круглые столы, конференции), реализуются образовательные программы и наставничество. С 1995 г. Конфедерация женских организаций АСЕАН имеет консультативный статус категории 2 при ЭКОСОС.

В 2020 г. в рамках БРИКС инициирован Женский деловой альянс, представляющий собой глобальную платформу для продвижения женского бизнеса как среди стран-участниц, так и за их пределами. Деятельность Женского делового альянса направлена на увеличение вклада женщин в экономику стран БРИКС и затрагивает вопросы развития бизнес-навыков женщин-предпринимателей, расширение женских бизнес-сетей, углубление В2В-сотрудничества между женщинами-предпринимателями, включение женского бизнеса в глобальные цепочки создания стоимости [4]. С 2024 г. проводится форум женского предпринимательства БРИКС.

Вопросы участия женщин в предпринимательстве, в частности, в контексте укрепления международного сотрудничества, нашли отражение в Казанской декларации саммита БРИКС-2024 «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Так, в документе отмечена важность «расширения прав и свобод женщин и их полноценного участия во всех сферах жизни общества ..., что имеет основополагающее значение для развития ... мира», подчеркнута необходимость укрепления дальнейшего международного сотрудничества в области женского предпринимательства [5].

Помимо этого, в странах-членах АСЕАН и БРИКС расположены региональные отделения таких международных организаций и ассоциаций, как Международная федерация женщин-предпринимателей и профессионалов, Всемирная ассоциация женщин-предпринимателей, Организация

женщин в международной торговле и др., деятельность которых направлена на содействие интернационализации женского предпринимательства.

Рассмотрим международное женское предпринимательство в БРИКС на основе данных Глобального мониторинга предпринимательства.

Уровень предпринимательской активности (УПА) женщин по блоку БРИКС находится в интервале от 3,6 % в Египте до 23 % в Саудовской Аравии (рис. 1). Обращает на себя внимание достаточно высокие показатели инновационной активности женщин-предпринимателей, характерные для большинства стран-членов (за исключением Египта). Создавая новые предприятия, женщины-предприниматели используют потенциал международных рынков. Вместе с этим, в рамках блока наблюдается достаточно большая разница между странами-членами в экспортоориентированности УПА: в Бразилии значение показателя составило 0,7 %, в России – 57,1 % [6].

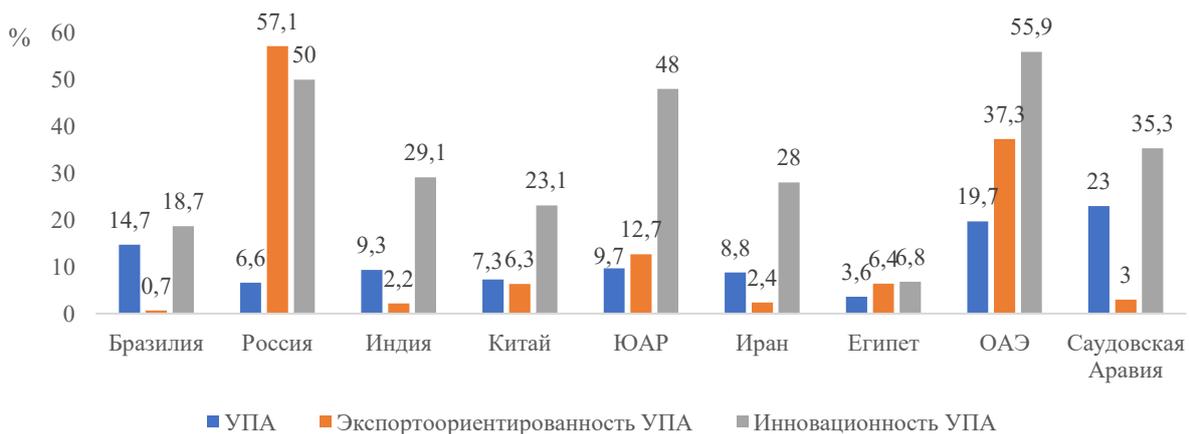

Рис. 1. Показатели участия женщин в предпринимательстве в странах-участницах БРИКС [6]

Примечание: данные по Египту и ОАЭ приведены за 2022/2023 г., по России – за 2021/2022 г.

Рассматривая показатели сквозь гендерную призму следует отметить следующее: а) во всех странах блока (за исключением Китая) женщины реже мужчин открывают новые предприятия; б) в семи странах (России, Индии, Китае, ЮАР, Иране, Египте, ОАЭ) женщины-предприниматели чаще мужчин-предпринимателей ориентируются на международные рынки, причем по таким странам, как Индия и Китай это кратная разница; в) в этих же странах, а также в Саудовской Аравии женщины-предприниматели демонстрируют инновационную активность на аналогичном уровне с мужчинами-предпринимателями (рис. 2).

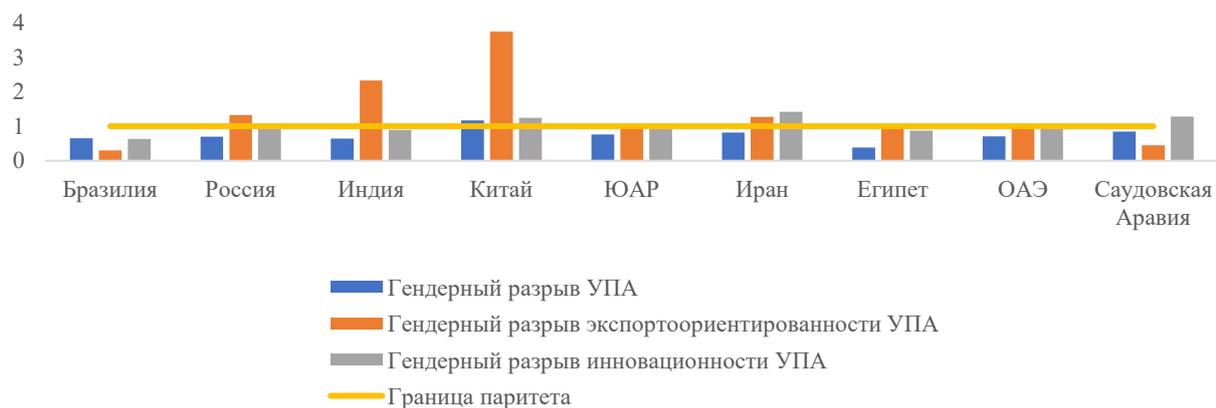

Рис. 2. Гендерный разрыв в предпринимательстве в странах-участницах БРИКС [6]
Примечание: данные по Египту и ОАЭ приведены за 2022/2023 г., по России – за 2021/2022 г.

Изложенное выше позволяет говорить, что в странах БРИКС женщины активно участвуют в предпринимательстве, причем, демонстрируют высокую инновационную активность и экспортоориентированность. Наличие гендерного разрыва по ряду показателей, в частности, по открытию новых предприятий, свидетельствует об имеющихся возможностях привлечения женщин в бизнес. Создавая новые предприятия женщины в равной степени или чаще мужчин ориентированы на международные рынки и инновации, что правомерно рассматривать с позиции потенциала долгосрочного развития бизнеса.

В странах-членах АСЕАН женщины также активно участвуют в предпринимательстве. Удельный вес женщин среди предпринимателей на Филиппинах составляет 52,8 %, в Таиланде – 36,3 %, Сингапуре – 31,3 %, Индонезии – 30,4 %, Вьетнаме – 27,4 %, Малайзии – 25,3 % [7]. Страны АСЕАН за последнее время практически не были охвачены Глобальным мониторингом предпринимательства, поэтому судить об общей картине инновационности и экспортоориентированности женского предпринимательства не представляется возможным. Только две страны блока (Таиланд в 2024 г. и Индонезия в 2023 г.) за последние 5 лет вошли в отчет Глобального мониторинга предпринимательства. В Таиланде 8,5 % и в Индонезии 19,7 % женщин-предпринимателей ориентированы на экспорт при создании новых предприятий. Инновационную активность женщины-предприниматели в этих странах демонстрируют на схожем уровне (Таиланд – 36,6 %, Малайзия – 32,6 %).

Таким образом, для АСЕАН и БРИКС вопросы участия женщин в предпринимательстве, в частности, интернационализации женского предпринимательства являются актуальными. Международное женское пред-

принимательство правомерно рассматривать для данных блоков в качестве области для перспективного сотрудничества. Определим основные направления и выгоды этого сотрудничества (рис. 3).

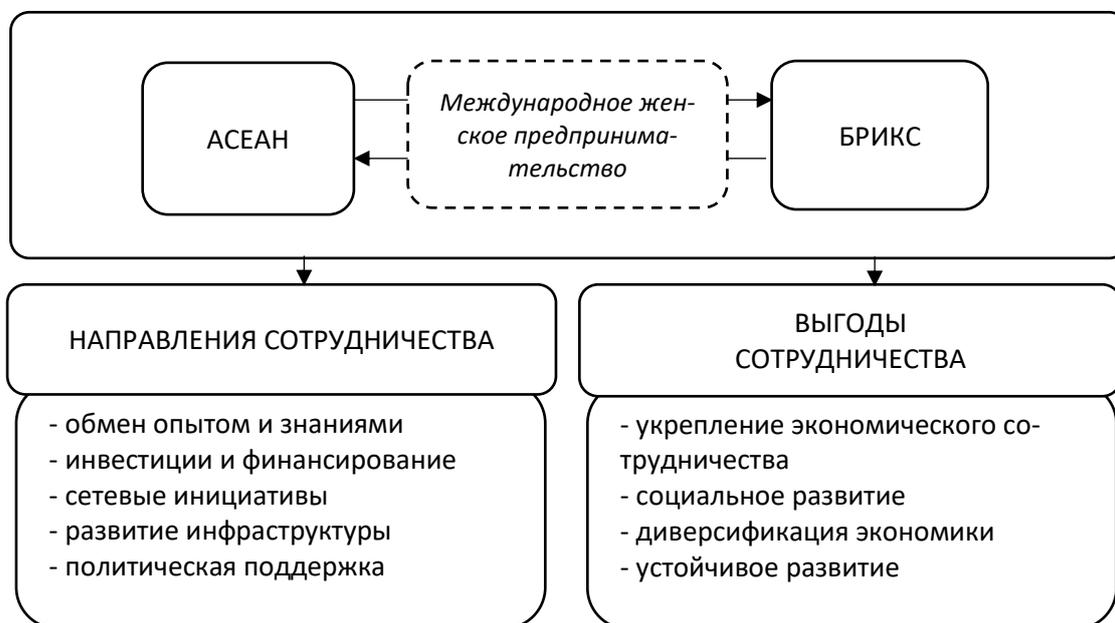

Рис. 3. Направления и выгоды сотрудничества АСЕАН и БРИКС в области международного женского предпринимательства

Важным для развития межблокового сотрудничества в области международного женского предпринимательства является обмен опытом и знаниями. Это может включать создание онлайн-платформ для обмена лучшими практиками среди женщин-предпринимателей, проведение семинаров и вебинаров по различным вопросам ведения бизнеса (например, финансирование, маркетинг, управление). В рамках инвестиций и финансирования целесообразно рассмотреть разработку совместных фондов, направленных на содействие интернационализации женского предпринимательства, привлечение международных организаций для создания программ поддержки женщин-предпринимателей на международных рынках. Развитие инфраструктуры может предполагать реализацию совместных проектов по созданию бизнес-инкубаторов и акселераторов, ориентированных на женщин-предпринимателей, а также поддержку инициатив по улучшению их доступа к технологиям и ресурсам. Сетевые инициативы целесообразно направить на формирование сетей для женщин-предпринимателей, которые помогут им находить партнеров, клиентов и менторов, как на национальных, так и на зарубежных рынках, организацию бизнес-форумов и выставок, где женщины смогут представлять свои продукты и услуги. Политическая поддержка может охватить лоббирование на уровне

правительств обеих объединений для принятия законов и инициатив, поддерживающих женское предпринимательство, совместные усилия по борьбе с дискриминацией и созданию равных условий для женщин в бизнесе.

Перспективность сотрудничества между БРИКС и АСЕАН в области международного женского предпринимательства можно рассмотреть через следующие выгоды: повышение уровня взаимной торговли и инвестиций между странами БРИКС и АСЕАН через интернационализацию женского предпринимательства; поддержка женского предпринимательства может привести к созданию новых рабочих мест и увеличению разнообразия в экономике; увеличение числа женщин в бизнесе способствует улучшению социального статуса женщин, что может привести к более устойчивому развитию обществ.

В настоящее время для многих стран, межгосударственных объединений, в частности, для АСЕАН и БРИКС актуализируются вопросы участия женщин в предпринимательстве, особенно, в части содействия его интернационализации. Очевидно, что и АСЕАН, и БРИКС обладают потенциалом, позволяющим укреплять интеграцию внутри блоков и за их пределами. Накопленный опыт объединений в части межгосударственного экономического сотрудничества и сформированные торговые пространства, а также их стремление к поиску новых векторов развития, на наш взгляд, правомерно использовать в направлении укрепления межблокового взаимодействия в области международного женского предпринимательства. При этом, практическая реализация направлений сотрудничества требует учета специфики участия женщин в предпринимательстве для более эффективного процесса интернационализации их бизнеса.

Библиографические ссылки

1. Экономика АСЕАН: бум инвестиций и «страны-специалисты» (ноябрь 2024 г.). URL: https://cdnweb.roscongress.org/upload/medialibrary/ffe/АСЕАН_02_рус.pdf?17325448664727645 (дата обращения: 04.05.2025).

2. Торговый потенциал и транспортная взаимосвязанность стран БРИКС после расширения 2024 года. URL: https://cdnweb.roscongress.org/upload/medialibrary/da0/co7zd12pizr_8rhfyiiudwk1yzopfi3w4/torg_potencial_brics_ru.pdf?17253445311369431 (дата обращения: 04.05.2025).

3. History of ACWO. URL: <https://acwo.asia/about/#:~:text=ACWO%20is%20an%20institutional%20framework,in%20each%20ASEAN%20member%20country> (дата обращения: 10.02.2025).

4. Женский деловой альянс БРИКС. URL: <https://bricswomen.com/ru/about/> (дата обращения: 04.05.2025).

5. Казанская декларация саммита БРИКС-2024 «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3L_Eh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 04.05.2025)

6. Global Entrepreneurship Monitor 2023/24 Women's Entrepreneurship Report. URL: <https://www.gemconsortium.org/reports/womens-entrepreneurship> (дата обращения: 10.02.2025).

7. Mastercard Index of Women Entrepreneurs 2021. URL: <https://www.mastercard.com/news/media/phwevxcc/the-mastercard-index-of-women-entrepreneurs.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА В КИТАЕ

А.В. Петрашевская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, petrala@bsu.by*

В условиях нарастающего экологического давления и истощения природных ресурсов Китай активно внедряет концепцию экономики замкнутого цикла как стратегический подход к устойчивому развитию. В статье рассматриваются основные этапы формирования и реализации политики циркулярной экономики в КНР, ключевые показатели эффективности, а также приоритетные направления — переработка отходов, использование вторичного сырья, «зеленые» технологии и устойчивое промышленное производство.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла; циркулярная экономика; эко-промышленные парки; экологически-индустриальное развитие.

IMPLEMENTATION OF THE CLOSED CYCLE CONCEPT IN CHINA

A.V. Petrashevskaya

*Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Belarus, petrala@bsu.by*

In the context of increasing environmental pressure and depletion of natural resources, China is actively implementing the concept of a circular economy as a strategic approach to sustainable development. The article examines the main stages of the formation and implementation of circular economy policy in China, key performance indicators, as well as priority areas - waste recycling, use of secondary raw materials, "green" technologies and sustainable industrial production.

Key words: closed-loop economy; circular economy; eco-industrial parks; eco-industrial development.

Современные экологические вызовы, связанные с чрезмерным потреблением природных ресурсов, накоплением отходов и деградацией окружающей среды, требуют перехода к устойчивым моделям производства и потребления. В этом контексте концепция экономики замкнутого цикла приобретает ключевое значение, как на глобальном, так и на национальном уровне. Китай, будучи второй экономикой мира и крупнейшим производителем промышленных товаров, сталкивается с острой необходимостью трансформации своей ресурсно-интенсивной модели роста. Ре-

ализация экономики замкнутого цикла в КНР не только направлена на минимизацию экологического ущерба, но и рассматривается как инструмент повышения ресурсной эффективности, инновационного развития и укрепления экологической безопасности страны. Особую значимость приобретает китайский опыт в контексте глобального устойчивого развития, так как масштабы и темпы реализации данной концепции в Китае способны оказывать заметное влияние на мировую экологическую повестку.

В начале 2000-х годов китайские ученые и политики начали использовать термин экономики замкнутого цикла как адаптацию западных идей экологически-индустриальном развитии, согласно которому отходы одного предприятия могут становиться ресурсом для другого (так называемые индустриальные симбиозы), но с акцентом на китайскую специфику. В 2002 году циркулярная экономика была включена в 10-й пятилетний план социально-экономического развития Китая как один из приоритетов устойчивого развития.

Переход к экономике замкнутого цикла в КНР не был одномоментным, а осуществлялся поэтапно, через формирование нормативно-правовой базы, развитие пилотных проектов и интеграцию принципов замкнутого цикла в государственные стратегии. Рассмотрим подробнее ключевые этапы становления и реализации политики экономики замкнутого цикла в Китайской Народной Республике.

Таблица 1

Этапы становления и реализации экономики замкнутого цикла в Китае

Этап	Ключевые события	Результат
Подготовительный (1990–2002 гг.) — Экологическое осознание и научное обоснование	Признание необходимости перехода к устойчивому развитию (на основе доклада Brundtland и Рио-де-Жанейрской конференции 1992г.); проведение национальных экологических форумов, в которых началась дискуссия о ресурсосбережении и цикличности производств; формирование первых научных школ в области индустриальной экологии и экологической модернизации (Пекинский университет, Китайская академия наук).	Создание интеллектуальной базы и формирование предпосылок для перехода к замкнутой круговой модели развития.
Концептуальный (2002–2007 гг.) — Внедрение термина и пилотные проекты	Включение термина «экономики замкнутого цикла» в 10-й пятилетний план (2001–2005 гг.); запуск пилотных проектов в ключевых регионах: Шанхай, Пекин, Гуандун, где предприятия стали реализовывать принципы повторного использования ресурсов; разработка первых индикаторов ресурсосбережения и переработки отходов; активная поддержка со стороны Министерства охраны окружающей среды и Государственной комиссии по развитию и реформам.	Формирование институционального интереса к концепции, запуск на практике замкнутых производственных циклов на локальном уровне.

Этап	Ключевые события	Результат
Институционализация (2008–2012 гг.) — Принятие Закона КНР о циркулярной экономике	2008 г. — Принятие «Закона КНР о циркулярной экономике (экономике замкнутого цикла)»: установление правовых основ переработки, вторичного использования ресурсов, энергоэффективности и контроля отходов; утверждение системы национальных стандартов для оценки эффективности циркулярных процессов; расширение масштабов: от отдельных предприятий — к индустриальным паркам и городским кластерам.	Юридическое закрепление принципов экономики замкнутого цикла, обеспечение государственного контроля и стимулирование участия предприятий через субсидии и налоговые льготы.
Интеграционный (2013–2019 гг.) — Включение ЦЭ в национальную стратегию развития	Интеграция экономики замкнутого цикла в 13-й пятилетний план (2016–2020 гг.), развитие эко-индустриальных парков — комплексов предприятий, организованных по принципу индустриального симбиоза; внедрение цифровых технологий в управление отходами, логистикой и ресурсными потоками; формирование системы оценки прогресса ЦЭ по провинциям и отраслям, введение показателей: уровень рециклинга, доля вторичного сырья, материалоемкость ВВП.	Гармонизация промышленной и экологической политики. Развитие инфраструктуры замкнутого цикла и трансформация логистических цепочек.
Цифровой и «зеленый» переход (2020 г. — по настоящее время)	Включение экономики замкнутого цикла в цели «двойного углеродного обязательства»: пик выбросов CO ₂ к 2030 г., углеродная нейтральность к 2060 г.; поддержка стартапов в сфере рециклинга, биоэкономики, зеленого инжиниринга; развитие системы «зеленого финансирования»: облигации для поддержки экологически ответственных проектов; запуск национальной цифровой платформы мониторинга отходов и вторичного сырья; введение индикаторов экономики замкнутого цикла в национальные ESG-рейтинги компаний.	Экономика замкнутого цикла становится ядром «зеленой модернизации» страны, объединяя цели устойчивого развития, климатическую повестку и инновации.

В настоящее время реализация модели экономики замкнутого цикла в Китайской Народной Республике осуществляется на основе концепции «трех уровней цикличности» (или «трех циклов»), охватывающей микро-, мезо- и макроуровни экономической системы. Первый цикл охватывает мероприятия на корпоративном (микро) уровне, включая внедрение принципов экологически ориентированного проектирования (экодизайна), оптимизацию производственных процессов с целью минимизации образования отходов, развитие технологий более чистого производства, а также совершенствование систем экологического менеджмента на предприятиях. Так, по данным на 2019 год, в Китайской Народной Республике было зарегистрировано более 7 300 предприятий, осуществляющих деятельность в сфере сбора, сортировки и переработки твердых отходов. Этот

показатель составил около 26,5% от общего числа новых компаний, зарегистрированных в данной отрасли, что свидетельствует о растущем интересе бизнеса к инструментам циркулярной экономики и повышении инвестиционной активности в области управления отходами. Крупнейшими игроками на рынке управления отходами в Китае являются: «China Everbright International Limited» – ведущий оператор в сфере преобразования отходов в энергию, «Sembcorp Industries Ltd» – осуществляет разнообразные проекты по управлению отходами в городских и промышленных секторах, «Veolia Environnement S.A.» – глобальный лидер в области услуг по управлению отходами, укрепляющий свои позиции на китайском рынке, Capital Environmental Holdings Ltd. – значимый участник рынка с широким спектром услуг в сфере управления отходами, «HydroThane» специализируется на передовых технологиях очистки и переработки отходов. В настоящий период более 10 000 компаний по переработке мусора имеют зарегистрированный капитал более 10 млн юаней. Между тем, китайские компании по утилизации мусора владеют в общей сложности более 38 000 патентов. Некоторые из компаний являются листинговыми. Например, Dynagreen Environmental Protection Group, базирующаяся в южнокитайском городе Шэньчжэнь, зафиксировала оборот в размере 1,253 млрд юаней за первые три квартала года. Процветание сектора тесно связано с продвижением сортировки мусора. Размер рынка управления отходами в Китае составил 70,76 млрд. долл. США в 2022 году и, вероятно, достигнет 112,15 млрд. долл. США к 2031 году, увеличиваясь со среднегодовым темпом роста 5,25% в период 2023–2031 годов [1].

Второй цикл находится на межфирменном уровне (мезоуровень), где были инициированы эко-промышленные парки (ЭИП) для извлечения выгоды из торговли промышленными побочными продуктами, такими как тепловая энергия, сточные воды и производственные отходы. В целях содействия развитию проектов эко-промышленных парков Государственное управление по охране окружающей среды Китая выпустило национальные руководящие принципы по функционированию ЭИП. В них излагается китайский метод планирования, подчеркивающий создание интегрированных систем управления материалами, водой и энергией на уровне промышленного парка. Этот интегрированный подход поощряет создание и поддержание эко-промышленных сетей среди компаний-арендаторов. Следует также отметить, что эко-промышленные парки Китая выполняют двойную функцию. Типичный китайский промышленный парк имеет промышленную производственную зону, научно-исследовательскую зону, жилую зону и зону бизнеса и обслуживания, что отличается от североамериканской модели, где промышленные парки в основном базируются на

производстве. По данным Министерства промышленности и информатизации КНР на 2022 г., в стране сертифицировано 73 эко-индустриальных парка. Эти парки обеспечивают около 7,6% от общего промышленного добавленного продукта Китая. Суммарный вклад эко-индустриальных парков составляет приблизительно 2,1–2,5% от ВВП страны, что является значительным результатом, учитывая их специфическую направленность на устойчивое и ресурсосберегающее производство[2]. В период 13-й пятилетки 171 индустриальный парк получил зеленый сертификат, с участием независимых третьих сторон в оценке экологической эффективности[3].

Третий цикл экономики замкнутого цикла находится на социальном уровне (макроуровне). Типичные виды деятельности включают развитие экогородов и экопровинций. Городские власти, включая Шанхай, Ханчжоу, Янчжоу и Гуйян, а также провинциальные правительства Ляонин, Хайнань, Цзянсу и Цзилинь разработали свои планы по строительству экогорода или экопровинции. В отличие от первых двух уровней, этот уровень занимается как производственными, так и потребительскими проблемами. С точки зрения производства концепция круговой экономики поощряет создание региональных экопромышленных сетей и стремится создать круговое общество путем оптимизации использования материалов и экологической эффективности. В качестве примера может служить проект, разработанный архитектурным бюро Stefano Boeri, предусматривает строительство города, полностью покрытого растительностью. Планируется, что город будет поглощать около 10 000 тонн CO₂ и производить 900 тонн кислорода ежегодно, способствуя улучшению качества воздуха и биоразнообразия.

Рассматривая инициативу «Города без отходов» следует отметить, что Китай стремится к тому, чтобы к 2027 г. 60% городов стали «безотходными», а к 2035 году — все города страны. Эта инициатива направлена на сокращение образования отходов и повышение эффективности их переработки. Что касается сельских территорий, необходимо отметить проект «Прекрасные деревни»: К 2027 г. планируется, что 40% сельских населенных пунктов будут соответствовать стандартам «прекрасных деревень», интегрируя экологические и культурные аспекты в сельское развитие [4].

Анализируя вопросы экологической безопасности Китая, следует отметить, что в 2023 г. средняя концентрация PM_{2.5} в 339 китайских городах составила 30 мкг/м³, что ниже установленного целевого показателя в 32,9 мкг/м³ и на 16,7% меньше по сравнению с уровнем 2019 г. Доля дней с хорошим качеством воздуха достигла 85,5%. Данные также показали, что 89,4 процента контролируемых участков имели довольно хорошее качество поверхностных вод — на уровне или выше III класса в пятиуровневой

системе качества воды страны, что на 1,5 процентных пункта больше, чем в предыдущем году. Доля поверхностных вод ниже V класса, самого низкого уровня, осталась неизменной и составила 0,7 процента [4].

В последние годы Китай демонстрирует устойчивый прогресс в реализации политики экономики замкнутого цикла и переходе к устойчивым производственным практикам. В 2023 г. объем переработки твердых отходов в стране достиг 4 млрд тонн, что обеспечило уровень утилизации вновь образованных отходов на уровне 60%. Одним из ключевых направлений вторичного использования ресурсов стало металлургическое производство: в 2023 г. было переработано около 260 млн тонн стального лома, из которых от 220 до 230 млн тонн использовались непосредственно в производстве стали [5].

В 2024 г. значительных результатов удалось достичь и в сфере цветной металлургии — объем производства вторичных цветных металлов составил 19,15 млн тонн, что обеспечило порядка 23% от общего объема используемого сырья. Столь высокие показатели свидетельствуют о росте значимости вторичных ресурсов в обеспечении промышленного комплекса страны. Кроме того, на 2025 г. запланировано достижение уровня утилизации строительных отходов на отметке 60%, что подтверждает стремление к расширению замкнутых производственных циклов и в строительной отрасли. Китай также продолжает укреплять лидерские позиции на глобальном рынке чистых технологий. В 2024 г. объем инвестиций в этот сектор составил около 680 млрд. долл. США, что сопоставимо с совокупными вложениями Соединенных Штатов и Европейского Союза. Особенно заметно доминирование Китая в ключевых сегментах зеленой энергетики, включая производство солнечных панелей, ветряных турбин, аккумуляторов и электромобилей — на его долю приходится более половины мирового объема выпуска в этих областях [6].

Таким образом, Китай не только системно реализует внутреннюю стратегию по формированию экономики замкнутого цикла, но и выступает одним из драйверов глобального энергетического и ресурсного перехода к устойчивому развитию.

Библиографические ссылки

1. China's Economy in 2023: Solid Recovery and Steady Progress. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250103_1958139.html (дата обращения: 01.05.2025).

2. China's eco-industrial parks add great contributions with little pollution. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202403/27/WS6603e7a4a31082fc043befd5.html> (дата обращения: 01.05.2025).

3. An assessment of the green development efficiency of industrial parks in China: Based on non-desired output and non-radial DEA- model. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0954349X2300055>(дата обращения: 01.05.2025).
4. Guidebook to Carbon Neutrality in China. URL: https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/53381/978-981-16-9024_2.pdf;jsessionid=A6D736F5F9915F4862386B74290AFF7F?sequence=1(дата обращения: 01.05.2025).
5. In 2024, The Economic Indicators Of Non-Ferrous Metals Reached A New High In The Past Five Years. URL: <http://www.ysfrit.com/info/in-2024-the-economic-indicators-of-non-ferrou-102797984.html> (дата обращения: 01.05.2025).
6. China to accelerate building of waste-recycling system. URL: <https://english.news.cn/20240209/82a038f1fe7a46c5b1d8a3c91f700af1/c.html> (дата обращения: 01.05.2025).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС

Н.В. Юрова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yurova@bsu.by*

В статье рассматривается человеческий фактор развития стран БРИКС. Обозначены достижения стран БРИКС в рейтингах ИЧР и ЦУР, охарактеризована их неоднородность и указаны специфические социально-экономические различия с учетом последнего расширения организации. Представлены стратегические документы БРИКС, в которых уже нашел свое отражение человеческий фактор, при этом утверждается, что необходимо четко обозначить человеческий потенциал в стратегии развития БРИКС, проработать шаги по обмену опытом и созданию синергетического эффекта при реализации человеческого потенциала с учетом участия Беларуси в Союзном государстве и ЕАЭС, особенно в трудовой, предпринимательской и инновационной сфере.

Ключевые слова: человеческий потенциал; человеческий фактор; расширение организации; страны БРИКС

THE HUMAN FACTOR IN BRICS COUNTRIES DEVELOPMENT

N.V. Yurova

*Belarusian State University,
Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, yurova@bsu.by*

The article considers the human factor of development of BRICS countries. The achievements of BRICS countries in the HDI and SDG ratings are marked, their heterogeneity is described, and specific socio-economic differences are indicated considering the latest expansion of the organization. The BRICS strategic documents, which already reflect the human factor, have been presented and it is argued that the human potential should be clearly identified in the development strategies of BRICS, work out steps to exchange experiences and create synergistic effects in realizing human potential taking into account the participation of Belarus in the Union State and EAEU, especially in the field of labor, entrepreneurship and innovation.

Key words: human potential; human factor; expansion of the organization; BRICS countries

Страны БРИКС представляют собой уникальное неформальное, но весьма влиятельное в современном мире объединение, сочетающее высокий экономический потенциал с глубокими ресурсными, территориальными, демографическими и другими страновыми различиями. По некоторым расчетам, совокупное население государств БРИКС составляет более

40% (3,23 млрд человек) населения мира и к 2026 году вырастет на 625 миллионов человек, причем большая часть из них будет проживать в Индии и Китае. По данным 2021 года, совокупный ВВП стран, входящих на тот момент в БРИКС, оценивался в 23,5 трлн долл. США. Прогнозируется, что к 2030 году доля «пятерки» в мировой торговле превысит совокупную долю США и стран Европы, достигнув 37% [1].

В числе стран БРИКС в настоящий момент 10 официальных членов (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет и Индонезия), помимо этого статус приглашенной страны имеет Саудовская Аравия, к этому в 2024 году добавился статус стран-партнёров (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда и Боливия).

Несмотря на то, что первоначальной целью создания БРИКС являлось установление прочных партнерских отношений для усиления экономического влияния стран-участниц. Сейчас данное сотрудничество направлено на обеспечение устойчивого экономического развития, укрепление финансовых систем и социальной сферы через равноправное экономическое сотрудничество. Безусловно, вопросы экономического и финансового сотрудничества преобладают в повестке обсуждения стран БРИКС, однако возрастает и роль социальной устойчивости.

Таким образом в контексте драйверов развития сотрудничества в рамках БРИКС следует рассматривать не только взаимовыгодные экономические отношения, но и совместные усилия по развитию человека и его потенциала. Человеческий фактор существенно может ускорить экономический прогресс в странах БРИКС. Под человеческим фактором здесь имеется в виду учет влияния человеческого потенциала на расширение и углубление сотрудничества стран. Важно, чтобы стратегические цели стран совпадали в контексте развития человеческого потенциала и его реализации в национальных экономиках. На текущем этапе развития организации странам БРИКС удалось сформировать базовые предпосылки для устойчивого человеческого развития, что положительно отразилось на социально-экономической ситуации как в отдельных странах, так и в региональном масштабе.

Согласно данным Доклада ПРООН, опубликованного в 2025 г., страны БРИКС находятся в разных группах стран ИЧР (с очень высоким уровнем ИЧР, с высоким уровнем ИЧР и со средним уровнем ИЧР). Так, из 193 стран мира и из стран «пятерки» БРИКС, включенных в отчет, Россия по данным 2023 года занимает 64-е место по ИЧР (0,832) и относится к группе стран с очень высоким уровнем развития, Китай – 78-е (0,797), Бразилия – 84-е (0,786), ЮАР – 106-е (0,741), Индия – 130-е (0,685) и единственная страна относится в группе стран со средним уровнем развития.

За период с 1990 по 2023 г. среднее значение ИЧР по БРИКС неуклонно растет. Если рассматривать расширенный состав БРИКС, то такие участники, как ОАЭ – 15 место (0,940), Иран – 75 -место (0,799), Египет – 100-ое место (0,754), Индонезия – 113 место (0,728) располагаются в группах с очень высоким и высоким уровнем человеческого развития. Только Эфиопия на 180 месте (0,497) находится в группе стран с низким уровнем человеческого развития [2].

Сопоставление стран БРИКС по показателю человеческого развития свидетельствует о неоднородности их состава. В БРИКС значительно выделяется три лидера – Россия, Китай и Бразилия. Их показатели близки между собой и сходна динамика ИЧР. Индия и ЮАР существенно отстают по уровню человеческого развития, хотя Индия по показателю ВВП занимает второе место среди БРИКС после Китая.

По достижению Целей устойчивого развития положение стран БРИКС поступательно улучшается. Не так давно лидером в рейтинге стал Китай, который расположился на 49 месте, далее следуют Россия (51 место), Бразилия (54 место), Индонезия (77 место) ОАЭ (80 место), Иран (83 место), Египет (91 место), Индия (99 место) и ЮАР (111 место), Эфиопия (145). Среди стран-партнеров БРИКС Республика Беларусь занимает самое высокое положение в рейтинге (32 место) [3].

Такие результаты рейтингов свидетельствуют о специфике экономических систем этих стран, проведения социальной политики и потенциальных возможностях использовать БРИКС как платформу для сотрудничества, одной из целей которого является развитие человеческого потенциала.

Расширение организации преследовало цель представить все регионы развивающегося мира. Включение новых стран было продиктовано их стремлением к развитию и созиданию, желанием урегулировать социально-экономические проблемы сообща. Самой отстающей из вновь присоединившихся стран является Эфиопия, для которой до сих пор остро стоит проблема голода. Индонезия, которая официально присоединилась к БРИКС в 2025 году, также имеет множество проблем, основанных на социальном неравенстве. Страновое разнообразие БРИКС является ответом на запрос социальной справедливости и устойчивого человеческого развития.

Уже с момента образования БРИКС был запрос на скоординированный подход экономического сотрудничества. Несмотря на отсутствие сформированной институциональной структуры, на платформе БРИКС впервые в 2015 г. была принята Стратегия экономического партнерства, ключевыми целями среди прочих в которой были обозначены:

- 1) инклюзивный экономический рост (искоренение бедности, снижение безработицы, социальная интеграция);
- 2) инновационное развитие (переход к экономике знаний);
- 3) расширение международного сотрудничества (взаимодействие и сотрудничество со странами, не входящими в БРИКС, а также с международными организациями и форумами).

Первые две цели невозможно достичь без системной работы по развитию и реализации человеческого потенциала. Искоренение бедности основывается на социальной защите и создании соответствующих условий для реализации человеческого потенциала, а именно такой его формы, как трудового потенциала. Снижение безработицы также сопряжено с развитием рынка труда и реализации трудового потенциала. Инновационное развитие сопряжено с реализацией интеллектуального и творческого потенциала человека. Это все свидетельствует о том, что уже в первом совместном стратегическом документе БРИКС человеческий потенциал был базисом для дальнейшего развития.

Нынешняя Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года включает 3 блока: торговлю, инвестиции и финансы; цифровую экономику; устойчивое развитие, в котором отдельное место уделено развитию человеческого капитала.

В фокусе Стратегии БРИКС до 2025 для развития человеческого капитала обозначены:

- 1) искоренение бедности;
- 2) устранение неравенства в доступе к социальным услугам и инфраструктуре городского и сельского населения;
- 3) совершенствование систем здравоохранения, профилактики заболеваний и гигиены труда;
- 4) развитие образования, в том числе профессионального;
- 5) мобильность (трудовая, академическая, научная) и туризм.

Значение человеческого фактора в достижении экономического развития и усиления связанности подтверждается принятой в Казани декларацией БРИКС.

Так, Казанская декларация по результатам XVI Саммита БРИКС содержит ряд положений, которые следует отнести в сфере развития и реализации человеческого потенциала: достижение ЦУР, здравоохранение, рынок труда, наука, технологии и инновации, гуманитарные и молодежные обмены, а также женское предпринимательство и др. (таблица)

Среди пунктов Казанской декларации следует выделить пункт о «вовлечении женщин во все сферы жизни общества, особенно в предпринимательство» [4].

Пункты Казанской декларации о сферах развития и реализации человеческого потенциала

Пункт	Содержание
п. 13	о приверженности достижению ЦУР при уважении национальных приоритетов и стратегий
п. 93-97	о развитии здравоохранения и обмене опытом
п. 108	о развитии рынка труда, профессиональном обучении и совершенствовании системы социальной поддержки
п. 111-113	о реализации потенциала стран в сфере науки, технологий и инноваций
п. 114-118	о качестве работы университетов и углублению сотрудничества в сфере технического профессионального образования и подготовки
п. 199-123	о гуманитарных обменах и укреплению международного сотрудничества в области образования, науки, культуры, информации и коммуникаций
п. 125	о молодежных обменах
п. 130-131	о вовлечении женщин во все сферы жизни общества, особенно в предпринимательство

Источник: [4].

В рамках реализации данного пункта уже проведено два Форума женского предпринимательства БРИКС, где среди вопросов для обсуждения были обозначены: создание безбарьерной среды для женского предпринимательства, поддержку креативных индустрий, развитие особых экономических зон, совместные проекты в сферах энергетики, устойчивого развития и здравоохранения. И такие мероприятия становятся регулярными, что поддерживает устойчивость организации БРИКС и дает право говорить о будущем.[5] В данной инициативе проявилась синергия двух важных направлений: женского предпринимательства и поддержка молодежи. Так, руководством Женского делового альянса БРИКС было предложено разработать программы наставничества молодых предпринимательниц стран БРИКС и в последующем создать систему, в которой ведущие предприниматели и менторы, эксперты из 19 стран будут поддерживать, обучать, сопровождать основательниц, создающих бизнес в странах БРИКС [5].

Беларусь в 2024 г. официально стала страной партнером БРИКС и обязалась следовать принципам, среди которых: дух взаимоуважения и понимания, равенства, солидарности, открытости, инклюзивности и консенсуса; нацеленность на укрепление структуры сотрудничества БРИКС посредством партнерства по трем основным направлениям: политика и безопасность, экономика и финансы, культура и межличностные контакты; нацеленность на укрепление многостороннего взаимодействия, укрепления и обновления многосторонней системы и поддержания международного права; принятие целей и принципов, закрепленных в Уставе

ООН, как неотъемлемого краеугольного камня многостороннего взаимодействия и международного права; поддержка всеобъемлющей реформы международной финансовой архитектуры с целью отражения изменений в мировом экономическом ландшафте, ускорения прогресса в достижении Целей устойчивого развития, учета законных интересов Глобального Юга и повышения роли и представительства развивающихся стран в международном экономическом и финансовом управлении. [6] Беларусь имеет высокие позиции в глобальных рейтингах по ИЧР, достижению ЦУР, цифровизации и др., является государством с влиянием в регионе и мире, имеет дипломатические отношения со всеми государствами БРИКС, является сторонником мира и безопасности на международном и региональном уровнях, поддерживает устойчивое социально-экономическое развитие.

Поскольку Республика Беларусь ответственно относится ко всем взятым на себя обязательствам важно учитывать ее участие в других межгосударственных проектах интеграционной направленности. При анализе стратегических документов и приоритетов Союзного государства Беларуси и России, ЕАЭС и БРИКС видны такие пересечения, как:

- 1) развитие трудового потенциала и его реализации на рынках труда;
- 2) совершенствование систем здравоохранения и профилактики заболеваний;
- 3) развитие и согласование систем образования, особенно профессионального образования и подготовки;
- 4) реализация научного потенциала и научных обменов.

Несмотря на то, что приоритеты во многом совпадают, невозможно не учитывать проблемы сопряжения Союзного государства, ЕАЭС и БРИКС в контексте человеческого развития, а именно:

- 1) недостаточная институционализация БРИКС;
- 2) отсутствие политической воли государств-членов в части дополнения Договора ЕАЭС новыми социально ориентированными целями;
- 3) различия в национальных медицинских стандартах и характерных для конкретных стран заболеваний и системах их профилактики;
- 4) национальная специфика и разные траектории развития систем образования, отсутствие методик адаптации образовательных технологий при различиях в потребностях в тех или иных специалистах и работниках (страны характеризуются разными технологическими укладами и отраслевой структурой);
- 5) недостаточный научный обмен и научная кооперация с участием ученых СНГ, ЕАЭС и БРИКС, разные требования национальных научных сообществ к уровню и качеству публикационной активности и др.;

б) разноскоростные процессы цифровизации экономики и общественной жизни и др.

Для устранения данных барьеров или минимизации их последствий и создания благоприятной среды для усиления сотрудничества стран, участвующих в нескольких межгосударственных объединениях формального и неформального характера, необходимо предусмотреть:

1) разработку слаженного механизма взаимодействия Союзного государства и ЕАЭС, ЕАЭС и БРИКС для формирования нового пространства экономического притяжения и устойчивого человеческого развития;

2) обмен опытом и изучение национальных практик при сближении/выработке дорожных карт по достижению универсальных стандартов и протоколов в здравоохранении согласно ВОЗ при взаимной поддержке стран СГ, ЕАЭС и БРИКС, развитие специализированных консультационных/справочных медицинских цифровых ресурсов;

3) активное вовлечение в союзные, евразийские и бриксовские образовательные и научные проекты молодежи путем использования различных форм материального и нематериального поощрения (общие студенческие программы лояльности и др.);

4) развитие единого цифрового рыночного пространства, гармонизации национальных стратегий цифровой трансформации Союзного государства, государств – членов ЕАЭС и БРИКС;

5) создание условий для развития туризма, в том числе медицинского туризма, а также формирование общей системы лояльности в этой сфере для граждан Союзного государства, ЕАЭС и БРИКС.

Таким образом, человеческий фактор является определяющим для долгосрочного развития стран БРИКС. Неравномерность социально-экономического развития стран-участниц не должна стать препятствием на пути реализации задуманных инициатив. Привлекательность БРИКС для стран именно в том и состоит, что страны рассчитывают на равноправное, взаимовыгодное партнерство, реализацию стратегических программ и обмен успешными практиками, которые помогут справиться с национальными проблемами и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие.

Библиографические ссылки

1. Группа БРИКС. URL: <https://ria.ru/20220623/briks-1797227081.html?ysclid=mcqc072mpr910147504> (дата обращения: 10.05.2025)

2. Human development report 2025. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

3. Rankings. The overall performance of all 193 UN Member States. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/rankings> (дата обращения: 14.05.2025).

4. XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. URL: https://ocds-brics.org/wp-content/uploads/2024/10/kazanskaya_deklaracziya_briks_2024_g_241023_161046.pdf (дата обращения: 14.05.2025)

5. В НЦ «Россия» состоялось открытие II форума женского предпринимательства БРИКС. URL: https://russia.ru/news/v-nc-rossiia-sostoialos-otkrytie-ii-foruma-zenskogo-predprinimatelstva-briks?ysclid=mcshyk8126144655163&utm_source=yandex.com&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.com&utm_referrer=yandex.com (дата обращения: 15.05.2025)

6. О статусе страны-партнера БРИКС для Беларуси. МИД Республики Беларусь. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e76e1922bbd6ca01.html?ysclid=mcsitlp77r173018145 (дата обращения: 14.05.2025)

РАЗДЕЛ II МОЛОДЕЖНАЯ СЕССИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ СТРАН БРИКС+ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ТОРГОВОЙ СТРУКТУРЫ

А.А. Гомулина

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
ул. Советская, 14, 150003, г. Ярославль, Российская Федерация, gomulina_a@list.ru*

В статье рассматривается торгово-экономическая взаимозависимость стран БРИКС+ в ретроспективе 2001–2023 годов с использованием индикаторного подхода. В основу методологии положены три взаимодополняющих показателя: внешнеторговая доля, индекс региональной ориентации и индекс перекрытия экспортных структур. Анализ охватывает 10 стран объединения и проводится по укрупнённым товарным категориям на базе классификации SITC2. Полученные результаты демонстрируют фрагментарность и асимметричность интеграционного пространства: значительная дифференциация уровней открытости, различия в географической направленности торговли и умеренное структурное совпадение экспортных профилей. Выявлено формирование кластеров стран с различной степенью структурной схожести, что указывает на потенциал как для конкуренции, так и для кооперации. Исследование подтверждает, что несмотря на институциональное расширение формата БРИКС, фактический уровень торгово-экономической взаимозависимости остаётся ограниченным, что требует дальнейших усилий по институциональной и отраслевой координации.

Ключевые слова: БРИКС+; внешняя торговля; торгово-экономическая взаимозависимость; индекс региональной ориентации; структура экспорта

ECONOMIC INTERCONNECTEDNESS OF BRICS+ NATIONS THROUGH THE LENS OF REGIONAL FOCUS AND TRADE PATTERNS

A.A. Gomulina

*Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., 150003, Yaroslavl, Russian Federation, gomulina_a@list.ru*

This article examines the trade and economic interdependence among BRICS+ countries in a retrospective analysis covering the period from 2001 to 2023, using an indicator-based approach. The methodology is grounded in three mutually reinforcing metrics: the trade-to-GDP ratio, the regional orientation index, and the trade overlap index.

The analysis covers ten member countries and is based on aggregated commodity categories in accordance with the SITC Rev.2 classification. The results reveal a fragmented and asymmetric integration space, characterized by significant variation in trade openness, differences in the geographic orientation of trade flows, and moderate structural similarity of export profiles. The emergence of country clusters with varying degrees of structural proximity suggests potential for both inter-member competition and trade-based cooperation. The study confirms that despite the institutional expansion of the BRICS format, the actual level of trade and economic interdependence remains limited, pointing to the need for deeper institutional and sectoral coordination among member states.

Keywords: BRICS+; foreign trade; trade interdependence; regional orientation index; export structure

Формирование и расширение БРИКС до формата БРИКС+ в 2024 году стало важной вехой в эволюции трансрегиональных инициатив, стремящихся предложить альтернативу существующей архитектуре глобального экономического порядка. При этом, несмотря на активное сближение, эмпирическая база, отражающая реальный уровень экономической взаимозависимости между странами БРИКС+, остаётся противоречивой и требует многофакторного количественного анализа.

В научной литературе под экономической взаимозависимостью чаще всего понимается совокупность устойчивых торговых и инвестиционных связей, наличие комплементарных структур производства и экспорта, а также степень встраиваемости в общие рынки ресурсов и продуктов [1]. Зачастую взаимозависимость исследуется через параметры внешней торговли [2], поскольку торговая взаимозависимость является неотъемлемой предпосылкой формирования интеграционных процессов. В свою очередь, рост внешнеторговой взаимозависимости может как усиливать синхронизацию экономических циклов, так и порождать новые риски [3]. При этом количественная операционализация этих процессов требует не только анализа абсолютных значений, но и выявления структурных и институциональных параметров внешнеэкономического взаимодействия.

Особую значимость данная проблематика приобретает в контексте изменения географии торговых потоков и роста протекционизма. В этом свете возникает необходимость оценки направленности, качества и интенсивности торговых связей между участниками БРИКС+, позволяющей судить о степени их сближения как единого экономико-политического блока. Предполагается, что торгово-экономическая взаимозависимость между странами БРИКС+ имеет фрагментарный и асимметричный характер. Следовательно, несмотря на расширение формата БРИКС и активизацию его деятельности за последние 3 года, фактический уровень торгово-экономической взаимозависимости остаётся ограниченным, что требует дальнейшей выработки эффективных координационных механизмов.

В целях проверки выдвинутой гипотезы применён индикаторный подход, основанный на трёх взаимодополняющих индексах. В рамках проведенного исследования были взяты страны - члены БРИКС+ после расширения в январе 2025 года (10 стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет и Индонезия). Хронологические рамки исследования выбраны на основании «переломных точек» в эволюции объединения и включают в себя 3 временных промежутка: 2001, 2010 и 2023 г. [4] Для того чтобы нивелировать недостаток расчетов показателей из-за численного изменения стран-участниц на протяжении всего исследования, в настоящей работе рассматривается одинаковый перечень членов объединения. Для оценки указанных характеристик в исследовании используются три взаимодополняющих показателя, отобранных на основе рекомендаций специализированного регионального отделения ООН [5].

Показатель внешнеторговой доли (TGR) отражает степень открытости экономики к внешней торговле и её зависимость от глобальных товарных потоков и рассчитывается по формуле [5] (1):

$$TGR_i = \frac{X_i + M_i}{GDP_i} \times 100 \quad (1)$$

где X_i , M_i — экспорт и импорт страны i ; GDP_i — валовой внутренний продукт.

Индекс региональной ориентации (ROI) оценивает долю экспорта страны, направленного на партнёров внутри объединения, по отношению к среднему региональному уровню и рассчитывается по формуле [5] (2):

$$ROI_i = \frac{\left(\frac{X_i^R}{X_i}\right)}{\left(\frac{X^R}{X^W}\right)} \quad (2)$$

где X_i^R — экспорт страны i в страны БРИКС+; X_i — общий экспорт страны i ; X^R — совокупный внутрирегиональный экспорт; X^W — совокупный экспорт стран объединения в мир.

Индекс перекрытия экспортных структур (TOI) измеряет степень совпадения экспортных структур двух стран на основе минимальных долей экспорта по каждой товарной позиции. Далее приведена формула расчёта для пары стран i и j [5] (3):

$$TOI_{ij} = \sum_k \min\left(\frac{X_{ik}}{X_i}, \frac{X_{jk}}{X_j}\right) \quad (3)$$

Групповой индекс ТОI (по всем парам) и рассчитывается по формуле (4):

$$TOI_{group} = \frac{2}{n(n-1)} \sum_{i < j} TOI_{ij} \quad (4)$$

где n — число стран; TOI_{ij} — значение по каждой уникальной паре.

Для обеспечения сопоставимости временных и страновых данных: использовалась единая товарная классификация (SITC2), расчёты производились на основе билатеральных экспортных потоков между 10 странами БРИКС+. Расчёты проведены для 45 уникальных пар стран по каждому году, затем агрегированы до уровня объединения.

Анализ значений по странам БРИКС+ одного базовых индикаторов экономической взаимозависимости TGR выявил ряд выраженных тенденций, отражающих дифференциацию траекторий внешнеэкономической интеграции (рис 1.).

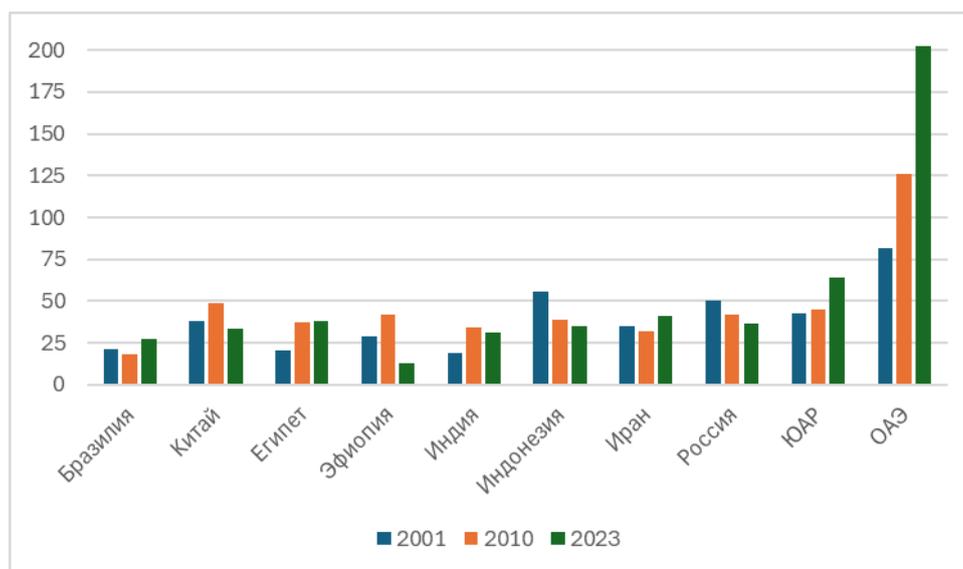

Рис. 1. Динамика показателя внешнеторговой доли (TGR) по странам-членам БРИКС+ в 2001, 2010 и 2023 г. [6]

На протяжении исследуемого периода наблюдается устойчивое увеличение значения TGR у большинства стран, что отражает общий вектор на включение в глобальные цепочки добавленной стоимости. Так, Египет демонстрирует рост с 20,1% в 2001 г. до 37,8% в 2023 г., Индия — с 19,1% до 30,9%, Южно-Африканская Республика — с 50,7% до 56,7%. Тенденции Китая и России показывают более сложную динамику. Китай достиг пиковых значений торговой открытости к 2010 году (48,9%), однако к 2023 г. уровень снизился до 33,4%. Россия, напротив, поддерживает устойчиво

высокий уровень TGR (свыше 40%) в силу сырьевой зависимости и переориентации внешней торговли после 2022 года. Особое место в выборке занимает Объединённые Арабские Эмираты, где значение TGR превышает 160%. Это объясняется сочетанием факторов: высокой долей реэкспорта, малым объёмом внутреннего ВВП, а также ролью страны как транзитного «хаба» между Востоком и Западом. Разнонаправленная динамика показателя среди стран БРИКС+ подтверждает гипотезу об асимметричной торговой взаимозависимости, что должно учитываться при проектировании многосторонних механизмов экономического согласования внутри блока.

Далее рассмотрим индекс региональной ориентации, который позволяет количественно оценить стратегическую направленность внешнеэкономических связей стран: ориентированы ли экспортные потоки преимущественно на внутренние рынки БРИКС+ или же преобладает внегрупповая торговля (рис. 2).

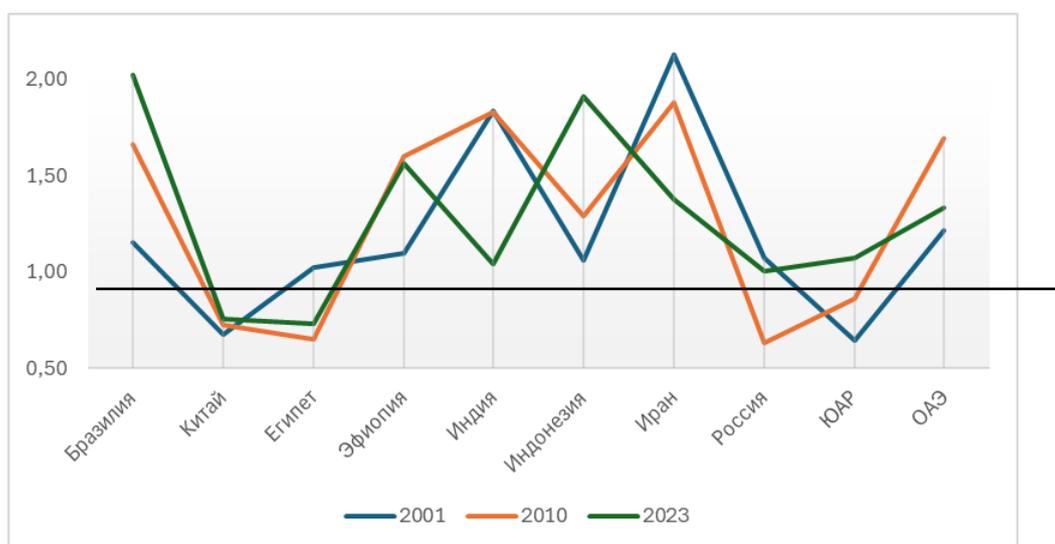

Рис. 2. Значения индекса региональной ориентации (ROI) по странам-членам БРИКС+ в 2001, 2010 и 2023 г. [7]

Значения ROI выше 1 свидетельствуют о более интенсивной внутригрупповой торговле по сравнению со средним уровнем, тогда как значения ниже 1 указывают на внешнюю направленность экспортной стратегии. Бразилия демонстрирует устойчивую положительную динамику ROI: с 1,15 (2001) до 2,02 (2023). Это указывает на последовательную переориентацию внешней торговли в сторону партнеров по БРИКС, что может быть связано с ростом энергетической и агропромышленной кооперации с Китаем, Индией и Россией. Китай, напротив, сохраняет низкий уровень региональной ориентации на протяжении всего периода (от 0,68 до 0,75). Это

подтверждает гипотезу о том, что КНР остаётся глобально ориентированной экономикой, в которой внутрирегиональные связи составляют лишь незначительную часть общего экспортного профиля. Индия сохраняет высокие показатели ROI во всех наблюдаемых периодах (от 1,83 до 1,04), хотя в последние годы имеется тенденция к выравниванию. Это может быть следствием диверсификации торговых партнёров и активной ориентации на рынки стран Юго-Восточной Азии и Африки. Россия характеризуется низким и нестабильным уровнем региональной ориентации: падение с 1,08 до 0,63 в 2010 году, затем рост до 1,00 к 2023 году. Эти колебания могут быть обусловлены как изменением структуры экспорта, так и санкционными сдвигами, повлиявшими на географию внешнеторговых потоков. Общая тенденция в сторону роста ROI у большинства стран (Бразилия, Индонезия, ОАЭ, ЮАР) позволяет говорить о наличии вектора сближения, хотя сохранение низких значений у Китая и умеренные показатели у России указывают на структурные ограничения внутриблоковой взаимозависимости.

Рассчитанный в рамках данного исследования индекс ТОИ в целом используется для оценки степени структурного совпадения экспортных корзин двух стран. На основе сопоставления ТОИ по 45 уникальным парам стран БРИКС+ в 2001, 2010 и 2023 годах наблюдаются четко выраженные тенденции, указывающие на структурную эволюцию блока и его неоднородность. В 2001 году большинство значений ТОИ находились в диапазоне 0,35–0,55, что отражает относительно низкий уровень пересечения экспортных профилей. В 2010 году наблюдается увеличение ТОИ у ряда пар стран (например, Бразилия–Индия, Индия–ЮАР, Россия–Китай), что отражает рост взаимной индустриализации и усиление конкурентного давления на мировых рынках. В 2023 году наблюдается раздвоение трендов: у одних стран наблюдается повышение ТОИ (например, Индия–Индонезия, Египет–ЮАР); у других пар происходит снижение ТОИ (например, Китай–Эфиопия, Россия–ЮАР). Значения ТОИ по большинству стран остаются в пределах умеренного структурного соответствия (0,45–0,65), что подтверждает неоднородность блока БРИКС+ (рис. 3).

На 2023 год можно выделить три условных кластера стран по уровню структурной близости:

1) кластер высокого структурного соответствия ($ТОИ > 0,60$): Египет, ЮАР, Индонезия — ориентированы на агроэкспорт, продукцию лёгкой промышленности и химии;

2) кластер умеренного структурного соответствия ($ТОИ = 0,50–0,60$): Россия, Бразилия, Иран — значительная доля сырья и полуфабрикатов, частичное совпадение структур с другими странами;

3) кластер низкого структурного соответствия ($TOI < 0,50$): Китай и Эфиопия — крайне разные модели экспорта: у КНР — высокотехнологичный, у Эфиопии — преимущественно аграрный и первичный.

Рис. 3. Тепловая карта значений стран-членов БРИКС+ по показателю TOI за 2023 г. [8]

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о фрагментарном и асимметричном характере торгово-экономической взаимозависимости стран БРИКС+. Показатель внешнеторговой доли (TGR) продемонстрировал существенную межстрановую дифференциацию, указывая на разные уровни открытости экономик. Индекс региональной ориентации (ROI) подтвердил, что БРИКС+ остаётся геоэкономически неоднородным блоком. Индекс структурного перекрытия экспортных корзин (TOI) выявил средний уровень структурной близости стран (в диапазоне 0,45–0,65), что подтверждает наличие как конкуренции, так и комплементарности между странами.

Библиографические ссылки

1. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. URL: <https://archive.org/details/powerinterdepend00robe/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 26.04.2025).
2. Baldwin R. 21st Century Regionalism: Filling the gap between 21st century trade and 20th century trade rules: WTO Staff Working Paper. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/papers/25189808/107/read> (дата обращения: 26.04.2025).

3. Frankel J. A., Rose A. K. The endogeneity of the optimum currency area criteria. – URL: https://www.researchgate.net/publication/4894207_The_Endogeneity_of_Optimum_Currency_Area_Criteria (дата обращения: 26.04.2025).

4. Гомулина А. А., Сапир Е. В. От развивающихся стран к глобальному экономическому объединению: неизбежность создания БРИКС+ // Анализ состояния и перспективы развития экономики России : материалы VIII Всероссийской молодежной научно-практической конференции (с международным участием), Иваново, 30 апреля 2024 года. Иваново : Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, 2024. С. 312–315.

5. Trade Statistics in Policymaking: A Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators. Revised Edition. New York : United Nations, 2009.

6. UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal> (дата обращения: 02.05.2025).

7. UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal> (дата обращения: 01.05.2025).

8. UN Trade and Development (UNCTAD). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 03.05.2025).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИФРОВЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ПЕРЕСМОТР ПРАВИЛ

Мэн Цзыминь

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220030, г. Минск, Беларусь, mengzimin1201@gmail.com*

Цифровые технологии продвигают мировую экономику в новую фазу, основанную на данных, однако различия в регулировании в области конфиденциальности, налогообложения и конкурентной политики между странами усугубляют фрагментацию цифровой экономики. В данной статье на основе теории глобальной цепочки создания стоимости (GVC) анализируется влияние монополии на данные и расширения платформенной власти в цифровой цепочке создания стоимости (DVC) на международное сотрудничество. Исследование показывает, что, во-первых, DVC преобразует элементы данных в дифференцированные услуги с помощью алгоритмов, а их предельно низкая себестоимость усиливает концентрацию рынка; во-вторых, институциональные игры США, Европы и Китая в области управления данными приводят к появлению пространства для «регуляторного аффилирования», что угрожает многосторонним рамкам сотрудничества; в-третьих, реформа цифрового налогообложения и правила прозрачности алгоритмов могут реконструировать инклюзивную систему управления. В статье предлагается путь к «ограниченной цифровой глобализации» путем пересмотра правил, то есть установления динамического баланса между стимулированием инноваций, защитой конфиденциальности и справедливой конкуренцией.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровая цепочка создания стоимости; монополия платформы; координация регулирования.

ECONOMIC GLOBALISATION AND DIGITAL VALUE CHAINS: GOVERNANCE PROBLEMS AND REGULATION REVISION

Meng Ziming

*Belarusian State University,
20 Leningradskaya St., 220030, Minsk, Belarus, mengzimin1201@gmail.com*

Digital technologies are propelling the global economy into a new data-driven phase, however, differences in privacy, taxation, and competition policy regulations between countries are exacerbating the fragmentation of the digital economy. Based on the theory of the global value chain (GVC), this article analyzes the impact of data monopoly and the expansion of platform power in the digital value chain (DVC) on international cooperation. The study shows that, firstly, DVC transforms data elements into differentiated services using algorithms, and their extremely low cost increases market concentration.; Secondly, the institutional games of the USA, Europe and China in the field of data management lead to the emergence of a space for "regulatory affiliation", which threatens the multilateral framework of cooperation; thirdly, the reform of digital taxation and rules on

transparency of algorithms can reconstruct an inclusive management system. The article suggests a path to "limited digital globalization" by revising the rules, that is, establishing a dynamic balance between stimulating innovation, protecting privacy, and fair competition.

Keywords: digital economy; digital value chain; platform monopoly; regulatory coordination.

Цифровая глобализация по сути является эволюцией глобальной цепочки создания стоимости (GVC) в цифровую цепочку создания стоимости (DVC). Традиционная GVC основана на торговле товарами и трансграничном разделении труда, в то время как DVC зависит от трансграничного движения данных и обмена услугами, основанного на алгоритмах. Эта трансформация привела к переходу международного экономического управления от «снижения тарифов» к «координации правил», но существующая структура ВТО не может охватить такие новые нетарифные барьеры, как локализация данных и цифровые налоги. В настоящее время цифровая глобализация сталкивается с двойным парадоксом: с одной стороны, беспрепятственное движение данных породило такие наднациональные платформы, как Amazon и Alibaba, а с другой — региональные нормативные акты, такие как Общий регламент по защите данных (GDPR) ЕС и Закон о безопасности данных Китая, усилили требования в отношении суверенитета данных. Политики должны срочно ответить на вопрос: почему цифровые технологии способствуют экономической интеграции, но при этом ослабляют международное сотрудничество? В данной статье высказывается мнение, что механизм создания стоимости DVC существенно отличается от традиционной торговли: неконкурентность (Non-rivalry) и положительная внешняя эффективность (Positive Externality) данных приводят к неэффективности рынка [1], а существующая система международных правил не способна эффективно учитывать эти внешние издержки [2].

Глобальная цифровая экономика: структурная трансформация от GVC к DVC. Традиционная глобальная цепочка создания стоимости (Global Value Chain, GVC) основана на торговле товарами и трансграничном разделении труда и зависит от снижения таможенных пошлин и либерализации торговли для продвижения глобализации экономики. Однако с распространением цифровых технологий постепенно становятся очевидными ограничения традиционной GVC: ограничение потока данных, традиционная GVC основана на физическом движении товаров, а трансграничное обращение данных как нового фактора производства не имеет нормативно-правовой базы; ограничения эффективности, такие как транспортные расходы и разрозненность цепочки поставок, сдерживают эффективность координации цепочки создания стоимости.

Согласно определению Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (UNCTAD), DVC преобразует информацию в торгуемые цифровые услуги (такие как облачные вычисления, персонализированные рекомендации) посредством сбора данных, алгоритмической обработки и вычислительной инфраструктуры. По сути, DVC реконструирует модель создания стоимости посредством трансграничного перемещения данных и обмена услугами, основанными на алгоритмах. В 2023 году объем мировой цифровой экономики достигнет 33 трлн долларов США, из которых 86,8% придется на долю цифровизации промышленности. что свидетельствует о том, что DVC стала основной движущей силой роста мировой экономики. Его модель создания стоимости характеризуется основными особенностями:

1) данные заменяют традиционные факторы производства: данные заменяют капитал и рабочую силу в качестве основных факторов производства, а их неконкурентность (Non-rivalry) и положительная внешняя эффективность (Positive Externality) нарушают традиционный закон убывающей предельной полезности капитала и рабочей силы.

Например, Microsoft приобрела профессиональную социальную сеть LinkedIn за 26 млрд долларов, что означает, что стоимость одного пользователя превышает 60 долларов, что отражает стратегическую надбавку к стоимости данных. Данные профессиональных социальных сетей позволяют оптимизировать профили пользователей корпоративных продуктов Microsoft и обеспечить дифференцированное конкурентное преимущество для ее облачного бизнеса (Azure);

2) эффект масштаба и сетевой эффект: предельные издержки цифровых услуг стремительно приближаются к нулю, а лидирующие компании формируют монополию посредством цикла «рост числа пользователей → накопление данных → оптимизация алгоритмов». Закон Меткалфа (Metcalfe's Law) объясняет тенденцию к централизации платформенной экономики: увеличение числа пользователей повышает ценность сети, что привлекает еще больше пользователей (например, социальная сеть Facebook). В то же время платформы, как двусторонние рынки, формируют положительную обратную связь «данные-трафик-монополия» за счет перекрестного субсидирования (например, членство в Amazon Prime) [2].

Разнородность регулирования и проблемы международного сотрудничества. Крупнейшие экономики мира применяют дифференцированные стратегии регулирования в ключевых областях цифровой экономики (защита конфиденциальности, цифровое налогообложение, антимонопольное регулирование), что приводит к фрагментации правил (таблица):

1) защита конфиденциальности: институциональная борьба за суверенитет данных. Китай: принятие Закона о защите персональных данных и Закона о безопасности данных, устанавливающих двухуровневую систему «локализация данных + проверка безопасности», требующую хранения ключевых данных на территории страны и внедрения системы классификации и категоризации трансграничных данных. Евросоюз: на основе Общего регламента по защите данных (GDPR) строго ограничивает трансграничный обмен данными и требует от компаний хранить и обрабатывать данные пользователей на территории ЕС, а за нарушение этого требования предусмотрены штрафы в размере до 4% от глобального оборота. Применяется модель «саморегулирование отрасли + ограниченное законодательство», например, Калифорнийский закон о защите прав потребителей (CCPA) делает акцент на праве потребителей на информацию, но на федеральном уровне отсутствует единый закон о данных, и компании могут обойти строгий контроль с помощью «соглашений о безопасной гавани»;

2) цифровое налогообложение: конфликт распределения налоговых полномочий. Китай: заменил налог на добавленную стоимость на цифровой налог, взимаемый с трансграничных цифровых услуг по ставке 6%, но при этом придерживается «включающего и осторожного» подхода к платформенной экономике, чтобы избежать прямого удара по местным предприятиям. ЕС: первым ввел налог на цифровые услуги (DST), взимаемый в размере 3% с компаний, чей глобальный доход превышает 750 млн евро, а доход от цифровых услуг в ЕС — 5 млн евро. США: выступают против одностороннего цифрового налога, считая его «торговым барьером», и угрожают ввести ответные пошлины на товары из Франции и других стран, взимающих такой налог, в рамках «расследования 301»;

3) антимонопольное регулирование: различия в логике регулирования. Китай: с помощью «Руководства по антимонопольному регулированию» и проверки «слияний и поглощений с целью устранения конкурентов» сдерживается расширение платформ, например, было остановлено слияние Huayu и Douyu, а Alibaba было предписано прекратить практику «выбора одного из двух». ЕС: внедрение «предварительного регулирования», Закон о цифровых рынках (DMA) определяет платформы с годовым оборотом более 75 млрд евро и более 45 млн активных пользователей в месяц как «стражей», обязывает их открыть API-интерфейсы и запрещает самопреференции. США: полагаются на «постфактум судебные иски», Федеральная торговая комиссия (FTC) подала в суд на Meta и другие компании, но судебные стандарты размыты, и проигрыш дела о приобретении Meta VR-компанией Within Unlimited в 2023 году свидетельствует о недостаточной эффективности правоприменения;

Различия в регулировании в Китае, США и Европе

Область	Китайская модель	Европейская модель	Американская модель
Защита конфиденциальности	Закон о защите персональных данных + локализация данных	GDPR строго ограничивает трансграничную передачу данных	Саморегулирование отрасли
Цифровое налогообложение	Альтернативы налогу на добавленную стоимость	Введение налога на цифровые услуги (DST)	Против односторонней налоговой системы
Антимонопольное регулирование	Руководство по антимонопольному регулированию + проверка «выбирающих» слияний и поглощений	Предварительное регулирование (DMA)	Судебные иски после факта (FTC против Meta)

Источник: [3].

Транснациональные предприятия должны одновременно удовлетворять требованиям регулирующих органов нескольких стран, что приводит к резкому росту операционных затрат. Например:

1) рост затрат на соблюдение нормативных требований и потеря эффективности: Amazon AWS необходимо построить центры обработки данных в ЕС, Китае и других странах, и в 2022 году его глобальные расходы на инфраструктуру превысят 60 млрд долларов США; Google использует «double irish with a dutch sandwich» для перевода прибыли, но ретроактивные налоговые требования ЕС (например, доначисление Apple 13 млрд евро в 2016 году) вызвали длительные судебные споры);

2) ограничение инноваций и фрагментация стандартов: GDPR ЕС ограничивает трансграничную передачу данных, в результате чего наборы обучающих данных европейских ИИ-компаний лишь на 1/3 меньше, чем у их американских коллег; американо-китайская конкуренция в области стандартов технологии 5G (HUAWEI против Qualcomm) и протоколов блокчейн (ANTCHAIN против IBM Hyperledger) замедляет глобальную синергию технологий;

3) перенаправление торговли и несоответствие ресурсов: Компании переводят доходы от цифровых услуг через низконалоговые юрисдикции (например, Ирландию), при этом в 2021 году глобальные транснациональные корпорации уйдут от налогов на 245 миллиардов долларов; некоторые компании избегают строгого регулирования, регистрируясь как оффшорные организации, например, TikTok хранит свои данные в Сингапуре, чтобы сбалансировать давление регуляторов США и Китая.

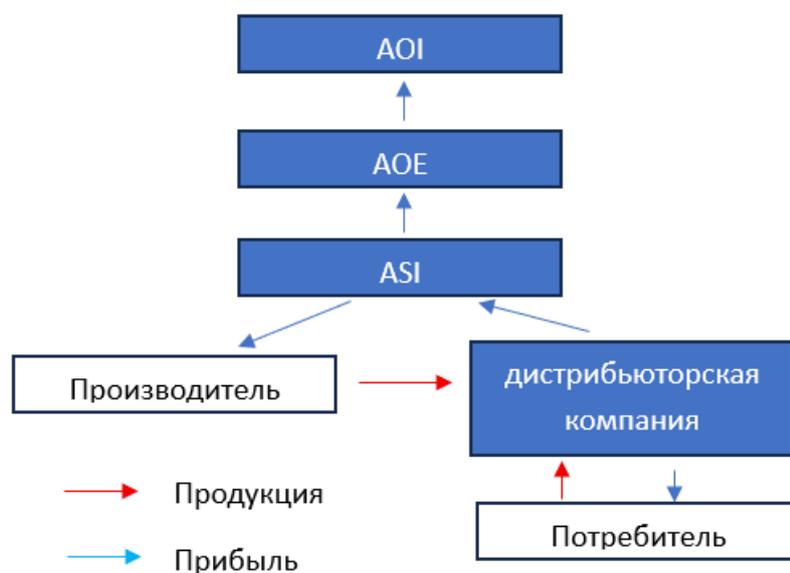

Рис. 1. Модель Apple

Пути к реконфигурации правил: схема инклюзивного цифрового управления. Всеохватывающая система управления цифровыми технологиями призвана примирить противоречивые интересы различных экономик, сбалансировать эффективность и справедливость, инновации и ответственность, и в конечном итоге добиться устойчивого развития цифровой экономики. Ее основные цели включают: устранение фрагментации регулирования: снижение затрат на соблюдение нормативных требований для многонациональных предприятий за счет гармонизации правил; защита суверенитета и безопасности данных: уважение требований национального суверенитета при одновременном облегчении потоков данных; пресечение злоупотребления властью платформ: предотвращение подавления конкуренции головными предприятиями за счет монополии на данные; и содействие технологической интеграции: поддержка развивающихся стран в интеграции в глобальные цепочки создания цифровой стоимости (DVC). Рефакторинг правил может быть выполнен тремя способами:

1) иерархическое управление потоками данных и негативные списки: обязательное локализованное хранение данных, связанных с национальной безопасностью (например, географической информации), биометрией, здравоохранением и т.д., например, определение основных данных в Законе Китая о безопасности данных; принятие модели «негативного списка», которая по умолчанию позволяет предприятиям передавать общие коммерческие данные (например, данные о поведении пользователей)

через границы при условии соблюдения требований прозрачности (например, записей об обработке данных EU GDPR); на основе «Общеввропейского пространства данных» ЕС (160 пилотных проектов, которые будут созданы в 2024 году), передача данных в страны АСЕАН, Африки и др. Принятие модели «негативного списка», которая позволяет предприятиям по умолчанию передавать общие коммерческие данные (например, данные о поведении пользователей) через границы, но при условии соблюдения требований прозрачности (например, записей об обработке данных в соответствии с GDPR ЕС); а также использование «Общеввропейского пространства данных» ЕС (160 пилотных проектов, которые должны быть завершены к 2024 году) для создания региональных платформ обмена данными в таких регионах, как АСЕАН и Африка, чтобы снизить порог для трансграничного сотрудничества. Например, Япония и Сингапур подписали Соглашение о партнерстве в области цифровой экономики (DEPA), которое по умолчанию разрешает трансграничный обмен данными, за исключением данных о национальной обороне, которые предприятиям необходимо подавать только в регулирующие органы [2];

2) совершенствование правил цифрового налогообложения, основанных на принципах вклада пользователя и создания стоимости: перенос распределения прав на налогообложение с «физического присутствия» на «место создания стоимости» в соответствии с «двухкомпонентной» системой ОЭСР. Принцип цифрового налогообложения должен быть доведен до совершенства [5]. Например, налогообложение услуг облачных вычислений Amazon основано на местонахождении пользователей, а не на физическом расположении серверов; также была создана модель «вклада данных пользователя» для распределения налоговой базы в зависимости от места создания данных и частоты использования. Например, 30% доходов от рекламы Meta в ЕС отчисляется в страну, где находится пользователь (предложение ЕС) [4].; налоговые скидки предоставляются странам, потребляющим цифровые услуги (например, в Африке), чтобы компенсировать дисбаланс между «экспортом ресурсов данных» и «недостатком налоговых поступлений». Ниже приведены примеры того, как это можно сделать;

3) регулирование власти данных и прозрачность алгоритмов: запрет «самопреференциального» поведения: принуждение платформ к открытию своих основных API-интерфейсов для предотвращения вытеснения третьих сторон доминированием данных (например, ДМА Европейского Союза требует от Apple разрешить сторонние магазины приложений); требование к компаниям, предоставляющим заголовки, раскрывать свою логику рекомендаций и механизмы ценообразования. Например, китайское

«Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями информационных интернет-сервисов» обязывает платформы объяснять правила ранжирования «горячего поиска»; при проведении антимонопольных проверок используются «цифровые экосистемы», а не традиционные отраслевые классификации, например, социальные сети, реклама и VR-бизнес компании Meta считаются находящимися на одном конкурентном рынке [6]. Например, считается, что социальная сеть, реклама и VR-бизнес компании Meta находятся на одном конкурентном рынке. Например, штраф, наложенный ЕС на Google Shopping (2,4 млрд. евро), был основан на принципе «самофаворитизма» и требовал от компании справедливо отображать сервисы сравнения цен конкурентов [7];

Цифровая глобализация предоставляет как возможности, так и проблемы: ее рост зависит от трансграничной интеграции данных, но неограниченная экспансия может усилить дисбаланс власти и институциональные конфликты. В данной статье утверждается, что построение «сдержанной цифровой глобализации» требует балансирования между тремя группами отношений - потоками данных и уступками суверенитета, стимулами для инноваций и честной конкуренцией, а также частными интересами и общественными ценностями. Только благодаря перестройке правил мы сможем добиться инклюзивного роста в расколотовой цифровой экосистеме.

Библиографические ссылки

1. Baldwin R. *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Harvard University Press, 2016.
2. Weymouth S. *Digital Globalization: Politics, Policy, and a Governance Paradox*. Georgetown University Press, 2023.
3. *Digital Economy Report 2021: Cross-border Data Flows and Development*. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 05.05.2025)
4. Rochet J.-C. & Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets. *Journal of the European Economic Association*, 1(4), 2003: 990–1029.
5. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. PublicAffairs, 2019.
6. Arrieta-Ibarra I. Should We Treat Data as Labor? Moving Beyond “Free”. *AEA Papers and Proceedings*, 108, 2018: 38–42.
7. Crémer J., de Montjoye Y.-A., & Schweitzer H. *Competition Policy for the Digital Era*. European Commission, 2019.

ИННОВАЦИОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО – ОСНОВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

С.Ф. Назарова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, NazarovaSF@bsu.by*

В статье рассматривается уровень развития стран по инновационной составляющей. Выделены топ – 15 стран. Показана связь с их экономическим развитием. Подчеркивается необходимость важности инновационного развития стран в мировом пространстве.

Ключевые слова: инновации; инновационная деятельность; мировой рынок.

INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN ECONOMY

S.F. Nazarova

*Belarusian State University,
Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, NazarovaSF@bsu.by*

The article examines the level of development of countries in terms of the innovation component. The top 15 countries have been identified. The connection with their economic development is shown. The need for the importance of innovative development of countries in the global space is emphasized.

Keywords: innovation, innovative activity, world market.

Инновации в современном мире, когда задействованы все факторы развития экономики и происходит взаимодействия между странами, являются важнейшим компонентом, обеспечивающим эффективное развитие экономики каждой страны.

Инновации способствуют росту благосостояния граждан страны, обеспечивают здоровье и долголетие, медицинское обслуживание; росту деятельности отдельных предприятий, улучшая эффективность производства, выпуская новую или усовершенствованную продукцию при помощи новых материалов, передовых технологий; развитию зеленой экономики, позволяющей сохранять природно-ресурсный потенциал на основе новых инновационных ресурсосберегающих технологий. Все это позволяет странам повышать результативность функционирования экономики страны в

целом. Инновационное предпринимательство является важнейшим движущим фактором устойчивого развития, укрепления позиций страны на мировой арене, повышения ее конкурентоспособности.

Процессы глобализации и регионализации еще в большей степени ставят вопрос инновационного развития экономики стран как в глобальном, так и в региональном аспектах.

В мировой практике наиболее полно отражает уровень развития инновационной составляющей экономики в стране Глобальный инновационный индекс (ГИИ). В рейтинге исследуется порядка 130 стран на основе около 80 показателей, отражающих различные стороны инновационной ситуации в стране. Показатели сгруппированы в два субиндекса. Первый включает показатели условий и ресурсов для развития инновационной деятельности, второй – результаты инновационного предпринимательства.

Глобальный инновационный индекс рассчитывается с 2007 года и демонстрирует положения стран по эффективности инновационного развития в мировом пространстве.

По результатам исследования ГИИ представим информацию по наиболее инновационным развитым экономикам пятнадцати стран за период 2017 – 2024 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг 15 ведущих инновационных экономик, 2017 – 2024 гг

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
	Место							
Швейцария	1	1	1	1	1	1	1	1
Швеция	2	3	2	2	2	3	2	2
США	4	6	3	3	3	2	3	3
Сингапур	7	5	8	8	8	7	5	4
Соединенное Королевство	5	4	5	4	4	4	4	5
Республика Корея	11	12	11	10	5	6	10	6
Финляндия	8	7	6	7	7	9	6	7
Нидерланды	3	2	4	5	6	5	7	8
Германия	9	9	9	9	10	8	8	9
Дания	6	8	7	6	9	10	9	10
Китай	-	-	14	14	12	11	12	11
Франция	15	-	-	12	11	12	11	12
Япония	14	13	15	-	13	13	13	13
Канада	-	-	-	-	-	15	15	14
Гонконг, Китай	-	14	13	11	14	14	-	-
Израиль	-	11	10	13	15	-	14	15

Источник: [1].

За рассматриваемый период лидерство сохраняется за Швейцарией. Следом практически неизменно идут Швеция и США. Эти страны так же являются лидерами в рейтингах по экономическому развитию.

В 2024 году Сингапур поднялся на четвертую позицию с пятого места в 2023 году (за рассматриваемый период основная позиция седьмое – восьмое места). Необходимо подчеркнуть, что эта страна в последние годы демонстрирует быстрый устойчивый рост экономики.

Замыкает пятерку в 2024 году Соединенное Королевство, демонстрируя постоянство в рейтинге (четвертая – пятая позиции за анализируемый период). Политика в сфере инноваций стабильна, как и в позиции в мировых рейтингах.

На шестой позиции – Республика Корея. Правительство страны в качестве одного из драйверов развития экономики, основываясь на опыте высокоразвитых стран, ставит инновации.

Далее следуют экономически сильные страны Европы: Финляндия, Нидерланды, Германия, Дания. Финляндия (седьмое место) и Германия (девятое место) в рейтинге за рассматриваемый отрезок времени незначительно меняли свое положение. Нидерланды (восьмое место, второе – в 2018 г.) и Дания (десятое место, шестое – в 2017, 2020 гг.) ухудшили свои позиции по инновационности.

В 2019 году Китай попадает в топ – 15 ведущих инновационных экономик, заняв одиннадцатое место. Это единственная страна, вошедшая в топ – 15 с выше среднего или средним уровнем дохода по разным рейтингам. При этом Китай стал неотъемлемым участником по эффективности развития экономики в мировых рейтингах.

За Китаем на двенадцатом месте Франция. С 2020 года позиция страны устойчива – одиннадцать, двенадцать.

Япония с 2021 года прочно занимает тринадцатую позицию, демонстрируя стабильность. Канада, на время не попадающая в топ – 15, в 2022 году вернулась, заняв пятнадцатую позицию, и в 2024 году поднялась на один пункт – четырнадцатое место.

Позиция Гонког, Китай неустойчива. Как и Израиль.

Анализ рейтинга показывает, что успешный путь развития стран связан с инновационными процессами, особенно в современном мире.

Создание благоприятных условий для развития и повышения эффективности научно-инновационной деятельности является одной из приоритетных и важнейших задач политики, проводимой государством.

Одним из важных факторов, стимулирующих инновационную деятельность, является финансирование. Рассмотрим расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП развитых стран, входящих в топ-15 по инновационному развитию (табл. 2).

Таблица 2

Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП, входящих в топ-15 по инновационному развитию, %

Страна	Расходы на НИОКР, % от ВВП
Швейцария	3,4
Швеция	3,4
США	3,5
Сингапур	2,2
Соединенное Королевство	2,9
Республика Корея	4,9
Финляндия	3,0
Нидерланды	2,3
Германия	3,1
Дания	2,8
Китай	2,4
Франция	2,2
Япония	3,3
Канада	1,6
Гонконг, Китай	1,1
Израиль	5,6

Источник: [2].

По доле расхода на развитие инновационного предпринимательства (исследования, разработки, внедрение инноваций) лидирует Израиль с показателем 5,6%. Следом идет Республика Корея с показателем 4,9%. Правительство страны ставит акцент на формирование глобального технологического лидерства. Остальные страны так же направляют достаточные средства на инновационное развитие, порядка 2,2 – 3,5%. Это свидетельствует о взаимосвязи экономического развития и инновационного развития. В итоге рассмотрены наиболее инновационные страны, которые и в экономическом развитии занимают высшие строчки. На современном, сложном этапе функционирования экономики, инновации играют одну из ключевых позиций и важность поддержки государством процессов инноваций является актуальной.

Библиографические ссылки

1. Глобальный инновационный индекс 2024 г. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Расходы на исследования и разработки (% от ВВП). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/gb.xpd.rsdv.gd.zs?most> (дата обращения: 10.05.2025).

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ-ЧЛЕНАХ БРИКС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е.В. Володина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, e.volodina23@gmail.com*

Статья посвящена анализу ключевых проблем и перспектив развития систем высшего образования в странах-членах БРИКС. Исследование основано на актуальных статистических данных, с помощью которых анализируются тенденции трансформации высшего образования в условиях его интернационализации и цифровизации. Особое внимание уделяется сравнительному анализу ключевых показателей систем высшего образования стран-членов БРИКС, вопросам академической мобильности, проблемам финансирования и качества образования.

Ключевые слова: образование; международное сотрудничество; интернационализация; цифровизация; конкурентоспособность.

HIGHER EDUCATION SYSTEM IN BRICS COUNTRIES: CHALLENGES AND PROSPECTS

E.V. Volodina

*Belarusian State University,
Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, e.volodina23@gmail.com*

The article is devoted to an analysis of key problems and prospects for the development of higher education systems in BRICS member countries. The study is based on current statistical data, which analyzes the trends of transformation of higher education in the context of its internationalization and digitalization. Special attention is given to the comparative analysis of key indicators of higher education systems in BRICS countries, issues of academic mobility, problems of financing and quality of education

Keywords: education; international cooperation; internationalization; digitalization; competitiveness.

С момента проведения первого саммита БРИКС в 2009 году состав стран-членов объединения, изначально включавшего Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, значительно расширился. С 1 января 2024 г. к членам БРИКС присоединились Египет, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Эфиопия, что существенно уси-

лило не только экономический и политический вес объединения на мировой арене, но и придало новый импульс сотрудничеству в сфере образования.

Согласно статистическим данным, опубликованным Институтом статистики ЮНЕСКО за 2024 год, страны-члены БРИКС демонстрируют следующие показатели охвата населения высшим образованием (табл. 1).

Таблица 1

Охват населения стран-членов БРИКС высшим образованием

Страна	Валовой коэффициент охвата, %
Бразилия	53,4
Россия	85,1
Индия	35,5
Китай	58,6
Южная Африка	24,8
Египет	37,1
Иран	68,3
Саудовская Аравия	73,8
Объединенные Арабские Эмираты	45,5
Эфиопия	14,2
Среднее значение по всем странам-членам БРИКС	49,6

Источник: [1].

Учитывая общее количество студентов, обучающихся в 2024 году в высших учебных заведениях по всему миру (согласно данным ЮНЕСКО – порядка 254 млн. чел.), численность населения и уровень охвата населения стран-членов БРИКС высшим образованием, необходимо отметить, что совокупное количество студентов в этих странах составляет значительную долю от мирового показателя – более 49%.

Все страны-члены БРИКС сталкиваются с комплексом структурных и системных вызовов в сфере высшего образования: необходимостью укрепления кадрового потенциала, модернизации и актуализации образовательных программ, повышения конкурентоспособности университетов на международной арене, обеспечения доступности качественного образования, интеграции в глобальное научное и образовательное пространство.

Для более наглядного анализа особенностей в развитии систем высшего образования в странах-членах БРИКС, ниже представлена таблица, содержащая сравнительную характеристику ключевых показателей по состоянию на 2024 год (таблица 2).

Таблица 2

**Ключевые показатели систем высшего образования
стран-членов БРИКС в 2024 году**

Страна	Количество вузов	Количество студентов, млн. чел.	Государственные расходы на образование (% от ВВП)	Количество вузов, входящих в топ-500 мирового рейтинга QS
Бразилия	2457	8,6	6,2	19
Россия	724	4,3	3,8	28
Индия	1213	38,5	2,5	20
Китай	3010	47,6	4,3	71
Южная Африка	161	1,1	4,7	9
Египет	92	3,4	3,2	5
Иран	315	4,1	3,6	6
Саудовская Аравия	93	1,7	5,1	11
Объединенные Арабские Эмираты	123	0,2	4,8	8
Эфиопия	83	0,8	4,5	0

Составлено по: [1-3].

Из табл. 2 следует, что страны-члены БРИКС демонстрируют абсолютно разный уровень развития систем высшего образования. Китай стал признанным лидером в академическом пространстве БРИКС, демонстрируя эффективность образовательных реформ, высокий уровень международной конкурентоспособности вузов, при этом охватывая более 47 млн. студентов, что делает его крупнейшей системой высшего образования не только среди стран-членов БРИКС, но и во всем мире в целом. В то время как Эфиопия, находясь на стадии интенсивного количественного роста системы высшего образования (наблюдается заметный рост числа обучающихся – более 825 тыс. студентов в 2024 г.), продолжает сталкиваться с вызовами, связанными с инфраструктурным обеспечением вузов, недостаточностью преподавательских ресурсов и ограниченной интеграцией в глобальное научно-образовательное пространство.

На основе проведенного анализа ключевых характеристик систем высшего образования стран-членов БРИКС представляется необходимым рассмотреть проблемы, с которыми сталкиваются эти государства в данной сфере, а также обозначить возможные перспективы развития систем высшего образования в контексте глобальных образовательных трансформаций.

Одной из ключевых проблем высшего образования в странах-членах БРИКС являются финансовые ограничения. Согласно данным, представ-

ленным в отчете Всемирного банка «Education Finance Watch 2025», несмотря на увеличение абсолютных показателей финансирования, относительные показатели (в процентах от ВВП) остаются недостаточными для обеспечения качественного образования в соответствии с международными стандартами [4].

Проблемы финансирования особенно остро проявляются в:

- 1) недостаточном развитии материально-технической базы вузов;
- 2) низком уровне оплаты труда профессорско-преподавательского состава;
- 3) ограниченных ресурсах для научных исследований;
- 4) недостаточном развитии цифровой инфраструктуры.

Несмотря на количественный рост, качество высшего образования в странах-членах БРИКС по-прежнему остается проблемой. Университеты сталкиваются с нехваткой квалифицированных преподавателей и устаревшими учебными программами, в то время как работодатели отмечают нехватку практических навыков у выпускников вузов, вследствие чего они вынуждены проходить дополнительное обучение.

Невзирая на значительный прогресс в развитии международного сотрудничества, страны-члены БРИКС все еще сталкиваются с серьезными проблемами в области интернационализации высшего образования: визовые ограничения, проблемы признания дипломов, ограниченное количество образовательных программ, реализуемых на английском языке, а также нехватка квалифицированного преподавательского состава, владеющего английским языком на достаточном для преподавания уровне.

По данным «BRICS Joint Statistical Publication 2024», по состоянию на 2024 год доля иностранных студентов в общем количестве студентов в странах-членах БРИКС варьируется от 48,6% в Объединённых Арабских Эмиратах до 0,3% в Индии, что отражает различия в стратегиях интернационализации и привлекательности национальных систем высшего образования [5].

Несмотря на обозначенные проблемы, системы высшего образования стран-членов БРИКС обладают значительным потенциалом для дальнейшего совершенствования, что обуславливает необходимость формулирования рекомендаций по их развитию:

- 1) усиление финансирования:
 - увеличение государственных расходов на высшее образование до уровня не менее 5% от ВВП;
 - развитие механизмов государственно-частного партнерства;
- 2) повышение качества образования:
 - модернизация образовательных программ с учетом требований рынка труда;

- развитие образовательных практик, базирующихся на компетентности модели подготовки специалистов;
- повышение квалификации преподавательского состава;
- 3) развитие интернационализации:
 - увеличение количества образовательных программ на английском языке;
 - упрощение процедур признания дипломов;
 - разработка и запуск совместных образовательных программ;
 - реализация совместных научно-исследовательских проектов;
 - организация академической мобильности студентов и преподавателей внутри вузов стран БРИКС;
- 4) цифровая трансформация:
 - развитие цифровой инфраструктуры университетов;
 - внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс;
 - создание общей цифровой образовательной платформы стран БРИКС;
 - создание виртуальных лабораторий;
- 5) укрепление связей с бизнесом:
 - создание механизмов вовлечения работодателей в разработку образовательных программ;
 - развитие системы стажировок и практик;
 - создание совместных исследовательских лабораторий, технопарков, инкубаторов.

Системы высшего образования стран-членов БРИКС находятся в процессе активного развития и трансформации, направленной на повышение качества образования, его доступности и соответствия современным требованиям рынка труда и общества.

Сотрудничество между странами БРИКС, внедрение технологических инноваций и проведение реформ в сфере образования позволит странам-членам БРИКС не только решить существующие проблемы, но и реализовать имеющийся потенциал для создания конкурентоспособных систем высшего образования мирового уровня.

Библиографические ссылки

1. World Education Statistics, 2024. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391221> (дата обращения: 01.05.2025).
2. QS World University Rankings 2024: Top global universities. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/2024> (дата обращения: 01.05.2025).

3. Education Statistics 2024. URL: <https://data.worldbank.org/topic/education> (дата обращения: 01.05.2025).

4. Education Finance Watch 2024. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391641> (дата обращения: 05.05.2025).

5. BRICS Joint Statistical Publication 2024. URL: https://brics.ibge.gov.br/downloads/BRICS_Joint_Statistical_Publication_2024.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

РЕЙТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ УМНЫХ ГОРОДОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сюе Цяньвэнь

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, 903747833x@gmail.com*

В статье приведены определения умного города и аспекты оценки их уровня развития. Рассматривается развитие умных городов в Китае. Проведена оценка уровня развития китайских умных городов на основе комбинированного подхода, сочетающего метод энтропийного взвешивания (Entropy Weight Method, EWM) и метод ранжирования по сходству с идеальным решением (technique for order preference by similarity to ideal solution, TOPSIS).

Ключевые слова: рейтинговый анализ; оценка развития умного город; метод EWM+ TOPSIS; ИКТ; КНР.

RANKING ANALYSIS OF SMART CITIES IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Xue Qianwen

*Belarusian State University,
31 Karl Marx Street, 220030, Minsk, Belarus, 903747833x@gmail.com*

The article provides definitions of smart cities and examines the aspects involved in assessing their level of development. It explores the development of smart cities in China. An evaluation of the development level of Chinese smart cities is conducted using a combined approach that integrates the Entropy Weight Method (EWM) and the Technique for Order Preference by Similarity to Ideal Solution (TOPSIS).

Keywords: ranking analysis; smart city development assessment; EWM+TOPSIS method; ICT; PRC.

Согласно данным Всемирного банка, к концу 2023 г. численность городского населения превысила 4 млрд чел., что составило порядка 57,3% от общей численности населения Земли[1]. В условиях стремительного технологического прогресса и расширения урбанизированных территорий сформировалась концепция умного города, направленная на модернизацию городской инфраструктуры и повышение качества жизни населения. В течение последнего десятилетия наблюдается рост числа инициатив, реализуемых правительствами, муниципалитетами и частными компаниями в области создания умных городов в различных странах. Китай также демонстрирует высокую вовлечённость в данный процесс: по состоянию на начало 2024 года в стране реализуется свыше 900 пилотных проектов раз-

ного типа в сфере умных городов. В этой связи становится актуальной задача оценки степени развития умных городов в КНР, идентификации наиболее успешных примеров и анализа стратегий, применяемых данными городами для достижения цифровой трансформации, с целью выявления и систематизации эффективных практик.

Определение и измерения умного города. Термин «умный город» (smart city) начал активно использоваться в научных и политических кругах в начале 2000-х годов. Однако четкого универсального определения до сих пор не существует. В разных исследованиях акценты ставятся на различных аспектах: 1) технологическая парадигма [2]; 2) подход, ориентированный на развитие человеческого капитала и формирование интеллектуальных трудовых ресурсов [3]; 3) модель, акцентирующая внимание на системах умного управления и институционального взаимодействия [4]; 4) комплексная, синтетическая перспектива, объединяющая элементы предыдущих направлений [5]. Объединяя различные взгляды, умный город — это инновационный город, который использует ИКТ для повышения качества жизни, эффективности городского управления и предоставления услуг, а также конкурентоспособности, при этом обеспечивая удовлетворение текущих и будущих потребностей в экономической, социальной и экологической сферах.

Приведенные выше определения дают основу для построения системы оценки умного города, которая включает умную инфраструктуру, умное управление, умную экономику, умную окружающую среду, умную жизнь и умных жителей; при этом количество и воздействие перечисленных компонентов в умных городах может различаться в зависимости от социальных целей развития, уровня экономического и технологического развития различных стран и их городов.

Развитие умных городов в Китае. С момента внедрения концепции «умного города» в Китай компанией IBM, развитие умных городов в стране приобрело стремительный характер. В ноябре 2012 г. Министерство жилищного строительства и развития городских и сельских районов КНР (далее МЖСР) издало «Уведомление о реализации национальных пилотных проектов «Умный город», а также опубликовало два нормативных документа: Временные административные меры для национального пилотного проекта «Умный город» и Система индекса оценки пилотного проекта умного города (района, поселка) (пробное внедрение), тем самым положив начало строительству умных городов на национальном уровне[6]. В период с 2013 по 2015 год МЖСР утвердило три группы пилотных проектов (всего 290 городов, районов и поселков), что стало важной мерой по содействию трансформации городского развития и модер-

низации промышленности в стране. Впоследствии продвижение строительства умных городов было включено в состав ключевых национальных стратегий.

По мере усиления внимания со стороны государства к строительству умных городов, органы власти различных уровней начали активно разрабатывать соответствующие политики и планы развития, ускоряя тем самым развитие информационной инфраструктуры и переход к интеллектуальному и точному управлению городами. Новое поколение информационных технологий, таких как облачные вычисления, большие данные, интернет вещей и искусственный интеллект, активно внедряется в сферы городского управления, общественных услуг, транспорта, охраны окружающей среды и другие ключевые области, значительно повышая эффективность функционирования городов и качество жизни граждан. Согласно исследовательскому отчёту, опубликованному компанией PwC, по состоянию на конец 2020 г. Более 900 городов (включая города уездного уровня) запустили пилотные работы по созданию умных городов (рис. 1).

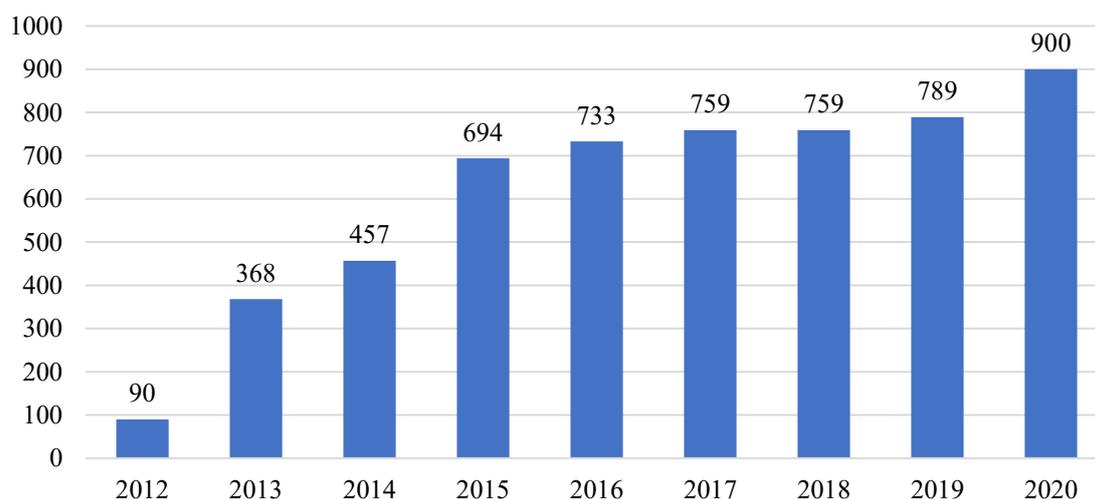

Рис. 1. Динамика количества пилотных проектов умного города в Китае в 2012-2020 гг., ед. [7]

Методика ранжирования китайских умных городов. В качестве объектов оценки выбраны 63 китайских города, ставшие одними из первых участниками пилотных проектов по внедрению концепции умного города. Для анализа их развития была разработана система, включающая 32 индикатора, данные по которым получена из официальных статистических источников. Оценка уровня развития умных городов Китая осуществлялась с применением интегрированного метода EWM-TOPSIS. [8]. Данный подход позволяет объективно определить весовые коэффициенты по-

казателей на основе информации, содержащейся в исходных данных, а затем ранжировать альтернативы по степени их приближенности к идеальному решению.

Результаты оценки уровня развития умного города. По результатам вычислений наибольший вес среди субиндексов имеет умная экономика (37%), за ней следуют умная инфраструктура (19%), умные жители (14%), умное управление (13%), умная жизнь (12%), умная окружающая среда (5%). Анализ конкретных оценочных показателей демонстрирует значительные различия между исследуемыми городами в таких аспектах, как уровень инновационного развития, способность к привлечению иностранного капитала и наличие квалифицированных кадров в сфере информационных технологий. Эти параметры варьируются в широких пределах, что указывает на неоднородность в реализации стратегии «умного города» на различных территориях. В то же время развитие таких направлений, как распространённость широкополосной связи, степень озеленения городской среды и эффективность систем утилизации твёрдых бытовых отходов, характеризуется относительно сбалансированными показателями. Это свидетельствует о том, что в инфраструктурных и экологических аспектах большинство городов достигли сопоставимого уровня, что может быть обусловлено единообразием соответствующих государственных стандартов, а также общей направленностью национальной политики в области устойчивого городского развития.

Далее, согласно сводному оценочному индексу, уровень развития умных городов в 63 городах значительно различается, при этом большую часть составляют города со средними и низкими итоговыми показателями. Средний балл по 63 городам составил 0,14. Городов, превысивших среднее значение, насчитывается 20, что составляет 31,75% от общего количества выборки; количество городов с результатами ниже среднего — 43, или 68,25% от выборки. Это свидетельствует о том, что уровень развития умных городов в большинстве китайских городов всё ещё требует повышения. Десять лучших городов по результатам развития умных городов: Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Сучжоу, Гуанчжоу, Ханчжоу, Нанкин, Ухань, Чэнду и Сиань. Данные города одними из первых приступили к реализации инициатив по строительству умных городов, обладая более продвинутыми концепциями и институциональными механизмами городского управления, а также накопив значительный опыт в технологической, экономической и управленческой сферах. Учитывая комплексный и системный характер данного процесса, развитие умных городов требует выработки чёткой и долгосрочной стратегии. С одной стороны, в этих городах были созданы координирующие органы по вопросам строительства

умных городов, опубликованы соответствующие программные документы и учреждены целевые государственные фонды для поддержки местных инициатив. С другой стороны, опираясь на особенности собственного социально-экономического развития и ресурсную базу, они реализуют целенаправленные мероприятия в приоритетных для них направлениях.

Населённые пункты, занявшие последние позиции в рейтинге, несмотря на участие в пилотных инициативах по созданию умных городов, сталкиваются с рядом существенных барьеров. Среди ключевых факторов, сдерживающих их развитие, можно выделить ограниченность природно-ресурсной базы, сравнительно слабый экономический потенциал, а также острый дефицит квалифицированных специалистов, в том числе в области цифровых технологий. В совокупности эти обстоятельства обуславливают замедленные темпы продвижения к цифровой трансформации городского пространства [9].

Результаты рейтингового ранжирования умных городов Китая

Город	Балл оценки (s _i)	Рейтинг	Город	Балл оценки (s _i)	Рейтинг
Пекин	0,71800	1	Тайюань	0,09326	33
Шанхай	0,66816	2	Хух-Хото	0,09169	34
Шэньчжэнь	0,60825	3	Санья	0,09063	35
Сучжоу	0,34035	4	Вэньчжоу	0,09040	36
Гуанчжоу	0,33230	5	Лоян	0,08846	37
Ханчжоу	0,31224	6	Яньтай	0,08809	38
Нанкин	0,23911	7	Куньмин	0,08767	39
Ухань	0,23833	8	Гуйян	0,08437	40
Чэнду	0,21218	9	Харбин	0,08301	41
Сиань	0,19297	10	Наньнин	0,07921	42
Тяньцзинь	0,17972	11	Хайкоу	0,07677	43
Нинбо	0,17577	12	Вэйхай	0,07482	44
Циндао	0,17100	13	Тайчжоу	0,07468	45
Хэфэй	0,16676	14	Сюйчжоу	0,06677	46
Чжэнчжоу	0,15561	15	Вэйфан	0,06587	47
Чунцин	0,14780	16	Янчжоу	0,06370	48
Уси	0,14638	17	Иньчуань	0,06219	49
Сямынь	0,14363	18	Таншань	0,06195	50
Далянь	0,14119	19	Шаньтоу	0,05786	51

Окончание таблицы

Город	Балл оценки (s _i)	Рейтинг	Город	Балл оценки (s _i)	Рейтинг
Цзинань	0,14051	20	Синин	0,05765	52
Фошань	0,13150	21	Цзыбо	0,05763	53
Уху	0,12776	22	Линьи	0,05740	54
Чанша	0,12732	23	Жичжао	0,05405	55
Чжухай	0,12185	24	Гуйлинь	0,05136	56
Наньчан	0,11296	25	Лицзян	0,05067	57
Цзясин	0,10748	26	Цзинин	0,04866	58
Фучжоу	0,10575	27	Баотоу	0,04817	59
Чанчжоу	0,10248	28	Цицикар	0,04522	60
Шицзячжуан	0,10012	29	Дэчжоу	0,03907	61
Ланьчжоу	0,09870	30	Хуайнань	0,03412	62
Наньтун	0,09726	31	Датун	0,03285	63
Шэньян	0,09430	32			

Построение рейтинга показывает, что: а) экономически развитые города, как правило, располагают необходимыми ресурсами для реализации инициатив в области умных городов. Они также обладают институциональными преимуществами в сфере муниципального управления и инновационной активности. Так, в Шэньчжэне активно применяются передовые технологии в сферах транспортного регулирования, обеспечения общественной безопасности, энергосбережения и управления повседневными городскими процессами. В Ханчжоу, в свою очередь, цифровизация городской инфраструктуры осуществляется за счёт внедрения интернета вещей, облачных вычислений, технологий обработки больших данных и искусственного интеллекта. Кроме того, важным элементом интеллектуального развития становится формирование кадрового потенциала — через использование цифровых образовательных платформ, способствующих более удобному, быстрому и эффективному освоению новых компетенций жителями города. б) инвестиции в инфраструктуру улучшают городскую среду, привлекают высокотехнологичные компании и высококвалифицированные человеческие ресурсы; в) применение цифровых платформ повышает уровень муниципального управления и качество оказываемых горожанам услуг, предоставляет жителям возможность беспрепятственно выразить свое мнение по поводу любых городских проблем, позволяет городским департаментам принимать решения с учетом общественных потребностей, создает необходимые условия для приобретения

людьми широкого спектра персонализированных товаров и услуг по привлекательным ценам.

На основании проведённого анализа рекомендуется сосредоточить усилия при формировании умных городов на следующих ключевых направлениях: стимулирование цифровой экономики и формирование высокотехнологичных отраслей; модернизация инфраструктуры с акцентом на интеллектуальные решения; развитие человеческого капитала через подготовку цифровых специалистов и повышение цифровой компетентности населения; расширение потенциала цифрового управления; предоставление интеллектуальных городских сервисов, ориентированных на потребности граждан; а также формирование экологически устойчивой и «умной» городской среды.

Библиографические ссылки

1. Urban population (% of total population). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?view=chart> (date of access: 1.04.2025).

2. 李德仁.从数城市到智慧城市的理论与实践/李德仁,邵振峰,杨小敏//地理空间信息. – 2011. – Vol. 9, – № 6. – P. 1–5. Ли Д. От цифрового города к умному городу: теория и практика/Д.Ли, Ч.Шао, С.Ян // Геопространственная информация. – 2011. – Т.9, – № 6. – С. 1–5.

3. J.V. Winters Why are Smart Cities Growing? Who Moves and Who Stays. Journal of Regional Science. 2011. Vol. 51, No. 2. P. 253-270.

4. G.Nesti Defining and assessing the transformational nature of smart city governance: Insights from four European cases. International Review of Administrative Sciences. 2020. No 1. P. 20-37.

5. M. Batty, K.W.Axhausen, F.Giannotti, A.Pozdnoukhov, A.Bazzani, M.Wachowicz, G.Ouzounis, Y.Portugali Smart Cities of the Future. The European Physical Journal. 2012. No. 214. P. 481-518.

6. Министерство жилищного строительства, городского и сельского развития выпустило уведомление о проведении национального пилотного проекта «Умный город». URL: <https://www.iotworld.com.cn/HTMLZT/iot/smart-city/> (дата обращения: 12.04.2025).

7. Перспективы развития умных городов под влиянием новых технологий. URL: <https://www.pwccn.com/zh/issues-based/new-infrastructure-initiative/the-development-trend-of-smart-cities-driven-by-new-technologies-jul2022.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).

8. L.Ding, Z.Shao, H.Zhang, C.Xu A Comprehensive Evaluation of Urban Sustainable Development in China Based on the TOPSIS-Entropy Method. Sustainability. 2016. No. 746.

9. Головенчик Г.Г., Сюе Ц. Оценка уровня развития умных городов Китая на основе комбинированного метода EWM-TOPSIS. Социальные и экономические системы. Экономика. 2024. № 5. С. 101-121.

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ СТРАН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е.А. Богатырева

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, bahatyrova@bsu.by

В статье рассматривается развитие сферы услуг в мировой экономике в целом и в некоторых отдельных странах. Определена доля сферы услуг в структуре мирового ВВП и в структуре ВВП рассматриваемых стран, показан доля занятости сфере услуг среди всего занятого населения отдельных стран. Проведен сравнительный анализ доли сферы услуг и доли занятости в данной сфере среди стран-лидеров в рейтинге по индексу человеческого развития, дано определение понятию человеческий капитал, проанализированы доли отдельных видов услуг в структуре ВВП европейских стран-лидеров в рейтинге ИЧР и Республики Беларусь. Показана взаимосвязь развития сферы услуг и создания условий для формирования, развития и реализации человеческого потенциала.

Ключевые слова: сфера услуг; ВВП; индекс человеческого развития (ИЧР); финансовые услуги; деловые услуги.

THE DEVELOPMENT OF THE SERVICE SECTOR OF COUNTRIES AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF HUMAN POTENTIAL

A.A. Bahatyrova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, bahatyrova@bsu.by*

The article examines the development of the service sector in the global economy as a whole and in some individual countries. The share of the service sector in the structure of global GDP and in the GDP structure of the countries under consideration is determined, the share of employment in the service sector among the total employed population of individual countries is shown. A comparative analysis of the share of the service sector and the share of employment in this area among the leading countries in the human development index ranking was carried out, the concept of human capital was defined, the shares of certain types of services in the GDP structure of the European leading countries in the HDI rating and the Republic of Belarus were analyzed. The interrelation between the development of the service sector and the creation of conditions for the formation, development and realization of human potential is shown.

Keywords: service sector; GDP; human development index (HDI); financial services; business services.

В настоящее время сфера услуг является преобладающей структурой ВВП как в мире в целом, так и в большинстве стран мира. Это говорит о том, что развитие страны на современном этапе зависит и от развития сферы услуг в ней.

Преобладание сферы услуг в структуре мирового ВВП наблюдается уже на протяжении многих десятилетий. На рис. 1 можно увидеть, что начиная с 2015 года стоимость мирового ВВП постоянно увеличивалась, за исключением 2020 года, когда пандемия Covid – 19 внесла свои коррективы в развитие мировой экономики. На протяжении этих лет также увеличивалась стоимость производимых услуг во всем мире. Доля сферы услуг в структуре ВВП на протяжении последних 10 лет оставалась примерно на уровне 61-62%. Совокупная стоимость всех произведенных услуг в мировой экономике в 2023 году составила 105,4 трл.долл. США. Это максимальное значение за всю историю развития экономики.

Рис.1 Мировой ВВП и доля сферы услуг в его структуре, трлн долл. США, % [1-3]

Значительная доля сферы услуг в структуре ВВП способствует тому, что и основная доля занятых в странах тоже приходится на сферу услуг.

Особое внимание в настоящее время уделяется развитию человеческого потенциала страны. По нашему мнению, только те страны, где созданы достаточно благоприятные условия для формирования, развития и реализации человеческого потенциала могут в дальнейшем благополучно развиваться и справляться со всеми вызовами в мировой экономике.

Человеческий потенциал — это совокупность личностных характеристик человека, которыми он обладает, развивает и формирует и которые могут быть использованы как для улучшения его благосостояния, так и для повышения степени удовлетворенности собственной жизнью [4, с.117].

Для того, чтобы у человека была возможность реализовать все свои способности, необходимы определенные условия, которые могут быть со-

зданы в стране. Человек, реализуя свой потенциал для собственного благополучия, будет способствовать и развитию государства в целом. Так, например, он будет получать образование, стремится найти работу, соответствующую его квалификации и уровню зарплаты, которую он хочет получать, чтобы была возможность максимизировать удовлетворение своих потребностей. Это индивидуум делает для собственного блага. С другой стороны, высококвалифицированный специалист, который качественно и ответственно выполняет свою работу приносит пользу компании, в которой он трудится, компания развивается и платит налоги и способствует экономическому развитию страны в целом. Из этого следует, что создание условий для формирования, развития и реализации человеческого потенциала является одной из важнейших задач экономического развития государства.

Основным показателем, характеризующим состояние человеческого потенциала в стране, является Индекс человеческого развития, который рассчитывается программой развития ООН по трем основным категориям: здоровье и долголетие, доступ к образованию и уровень жизни в стране.

В настоящее время у стран, экономическое развитие которых способствует формированию человеческого потенциала, преобладающей сферой в структуре ВВП является сфера услуг. На примере табл. 1 рассмотрим это соотношение.

Таблица 1

Место страны в рейтинге ИЧР, доля сферы услуг и доля занятых в сфере услуг в некоторых странах мира

Страна	Место страны в рейтинге ИЧР 2022	Услуги в % от ВВП, 2023	Доля занятых в сфере услуг 2022, в%
Беларусь	69	47,8	59
Китай	75	54,6	45
Швейцария	1	71,89	77
Норвегия	2	49,99	78
Исландия	3	64,64	78
Гонконг (Китай)	4	91,05	86
Швеция	5	65,28	81
Дания	5	66,07	79
Ирландия	7	56,62	66
Германия	7	62,57	72
Сингапур	9	72,45	86
Нидерланды	10	69,32	84

Составлено по: [5-8].

Как видно из приведенной таблицы, страны, которые являются лидерами по рейтингу ИЧР, имеют долю сферы услуг в структуре ВВП выше 60 % за исключением Ирландии. Наибольшую долю сфера услуг в структуре ВВП занимает у таких стран как Гонконг (Китай), Сингапур и Швейцария. Доля сферы услуг в структуре ВВП Беларуси составляет 47,8%, что значительно ниже, чем у всех остальных стран. Для сферы услуг Китая в структуре ВВП превышает 50% и составляет 54,6. Это тоже достаточно низкий показатель, если сравнивать со странами-лидерами по ИЧР.

Доля занятых в сфере услуг у стран-лидеров в рейтинге превышает 70%. Странами, с наибольшей долей занятых являются Сингапур, Гонконг (Китай) и Нидерланды. У Республики Беларусь и Китая доля занятых в сфере услуг составляет 59% и 45% соответственно.

Республика Беларусь и Китай занимают 69 и 75 места в рейтинге по ИЧР и по показателям доли сферы услуг в структуре ВВП и доли занятости в сфере услуг тоже значительно отстают от стран лидеров. Значит, можно сделать вывод, что развитие сферы услуг в стране является одним из факторов, которые характеризуют условия, созданные в стране для формирования, развития и реализации человеческого потенциала.

Рассмотрим какие же виды услуг составляют основную долю в структуре ВВП вышеперечисленных стран (табл. 2). Для анализа выберем европейские страны, которые находятся в лидерах по ИЧР и в относительной географической близости к Республике Беларусь.

Таблица 2

Доля отдельных видов услуг в структуре ВВП некоторых стран мира, 2023

Страна	Доля финансовых и деловых услуг, в %	Доля строительства в % от ВВП, 2023	Доля торговли, гостиничных услуг, транспорта и связи в ВВП, в%
Беларусь	15,5	5,8	22,9
Швейцария	26,4	4,8	25,8
Норвегия	17,2	5,3	16,2
Исландия	24,2	8,1	24,4
Швеция	24,3	6,7	25,3
Дания	25,1	5,1	25,0
Ирландия	22,8	2,6	30,1
Германия	25,6	5,4	21,3
Нидерланды	30,0	5,0	24,4

Составлено по: [9-11].

Как видно из приведенной таблицы, значительную долю в структуре ВВП стран-лидеров по рейтингу ИЧР стали занимать финансовые и деловые

вые услуги. В таких странах как Швейцария, Дания, Германия, Нидерланды они составляют $\frac{1}{4}$ часть ВВП и даже больше. Также стоит отметить, что для этих стран важное значение имеют торговля, гостиничные услуги, транспорт и связь. Они занимают примерно такую же долю в структуре ВВП как и финансовые и деловые услуги.

Все эти страны являются привлекательными для туризма и эта отрасль важна в их экономическом развитии. Однако стоит отметить, что развитие предоставления услуг, которые требуют значительного уровня образования, квалификации сотрудников в большей степени влияют на показатель ИЧР. Поэтому можно с уверенностью сказать, что развитие предоставления финансовых и деловых услуг в любой стране будет способствовать развитию экономики и улучшению условий для формирования, развития и реализации человеческого потенциала.

Пандемия Covid – 19 оказала значительное влияние на развитие мировой экономики в целом и на развитие сферы услуг стран, в частности. Так, в период пандемии, страны, где туризм занимал значительную долю в структуре ВВП, понесли существенные убытки. Но пандемия также способствовала развитию цифровых услуг, что ускорило производство этих услуг в рамках мировой экономики, появились новые виды деятельности, которые связаны с предоставлением цифровых услуг. Торговля цифровыми услугами стала одной из приоритетных отраслей развития экономики. Цифровизация также способствует созданию условий для формирования, развития и реализации человеческого потенциала страны, так как возможность удаленной занятости, выполнения работ за компьютером способствует получению рабочих мест среди категорий граждан, которые не могли ходить на работу из-за своих физических особенностей. Также появилось больше возможностей работать и зарабатывать, используя компьютер или другие средства связи у всего населения стран. Все это способствует увеличению большего количества людей, которые могут получать доход или повышать его уровень. Что также является фактором, повышающим возможности реализации человеческого потенциала.

Повышенный доход населения способствует тому, что у людей появляется больше возможностей для проведения своего досуга, появления и возможности осуществления своих хобби. Таким образом, появляется возможность для создания и развития отраслей, которые удовлетворяют данные потребности населения. Это может быть туризм, культурная сфера, здоровый образ жизни, развитие личности посредством получения дополнительного образования, поддержание и воссоздание забытых ремесел и т.д. Практически все эти отрасли связаны со сферой услуг.

Таким образом можно сделать вывод, что развитие сферы услуг способствует формированию, развитию и реализации человеческого потенциала страны с одной стороны. С другой стороны, население страны с высоким уровнем развития человеческого потенциала способствует совершенствованию и расширению сфер деятельности, где возможна реализация человеческого потенциала, повышению уровня жизни населения, улучшению качества жизни, что в конечном итоге приводит к улучшению экономического развития страны как в качественном, так и количественном отношении.

Библиографические ссылки

1. Добавленная стоимость сферы услуг в ВВП в трл.долл. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.CD?end=2023&name_desc=false&start=2006&view=chart (дата обращения: 18.04.2025.).

2. Доля сферы услуг в структуре мирового ВВП. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS?end=2023&name_desc=false&start=2006&view=chart (дата обращения: 18.04.2025.).

3. Стоимость мирового ВВП в трл.долл. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2023&name_desc=false&start=2006&view=chart (дата обращения: 18.04.2025.).

4. Богатырева, Е.А. Определение условий для формирования, развития и реализации человеческого потенциала страны. Новая экономика Новая экономика. 2024. №2. С.117- 135.

5. Доклад о человеческом развитии за 2023-2024 год. Резюме. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24snapshotru.pdf> (дата обращения: 18.04.2025.).

6. Беларусь в цифрах, 2024. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/da3/7qqxxqydg25c4gzuzq0emqtzx4lbdqcg.pdf> (дата обращения: 18.04.2025.).

7. Добавленная стоимость сферы услуг в процентах от ВВП, 2023. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/share_of_services/f (дата обращения: 18.04.2025.).

8. Доля занятых в сфере услуг в странах мира. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS?locations=AT-BY-BG-CZ-DK-EE-FI-DE-HU-IS-IE-LV-LT-NL-NO-PL-RO-SI-SE-CH&view=chart> (дата обращения: 18.04.2025.).

9. Доля финансовых и деловых услуг в структуре ВВП. URL: <https://w3.unecse.org/PXWeb/ru/Table?IndicatorCode=> (дата обращения: 18.04.2025.).

10. Доля строительства в структуре ВВП. URL: <https://w3.unecse.org/PXWeb/ru/Table?IndicatorCode=8> (дата обращения: 18.04.2025.).

11. Доля торговли, гостиничных услуг, транспорта и связи в ВВП. URL: <https://w3.unecse.org/PXWeb/ru/Table?IndicatorCode=14> (дата обращения: 18.04.2025.).

ПЕРСПЕКТИВЫ УКРЕПЛЕНИЯ ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС И АСЕАН

А.Д. Юркевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yurkevich.artur@bk.ru
научный руководитель – Юрова Н. В.*

А.А. Салата

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, annasalata495@gmail.com
научный руководитель – Юрова Н. В.*

В статье анализируется развитие двустороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии с акцентом на инвестиционные и торговые аспекты. Показана роль Китая в потоке прямых инвестиций в страны Ассоциации государства Юго-Восточной Азии, рассмотрена отраслевая структура китайских прямых инвестиций, а также проведен анализ товарооборота между субъектами.

Ключевые слова: прямые инвестиции; Китай; страны АСЕАН; тенденции; экспорт; импорт.

PROSPECTS FOR ENHANCED TRADE-INVESTMENT COOPERATION BETWEEN BRICS AND ASEAN

A.D. Yurkevich

*Belarusian State University,
p. Independence, 4, 220030, Minsk, Belarus, yurkevich.artur@bk.ru
Research Supervisor - Yurova N. V.*

A.A. Salata

*Belarusian State University,
p. Independence, 4, 220030, Minsk, Belarus, annasalata495@gmail.com
Research Supervisor - Yurova N. V.*

The article analyzes the development of bilateral cooperation between the People's Republic of China and the Association of Southeast Asian Nations, focusing on investment and trade aspects. The role of China in direct investment flows to the countries of the Association of South-East Asian States has been shown, the sectoral structure of Chinese direct investments has been examined and the turnover between the actors has been analysed.

Keywords: direct investment; China; ASEAN countries; trends; exports; imports.

Официальное установление отношений между Китайской Народной Республикой и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН) в 1991 г. положило начало развитию двустороннего сотрудничества. Данное сближение объясняется «историческими связями, большим потенциалом экономического сотрудничества и приоритетами региональной безопасности» [1]. Сотрудничество охватывает широкий спектр областей, такие как политика, бизнес, туризм и др. Однако данная работа сфокусирована на инвестиционном и торговых аспектах этого сотрудничества. В последние годы наблюдается значительный рост прямых китайских инвестиций в страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН). В 2019 г. Китай занимал шестое место среди крупнейших инвесторов в страны АСЕАН (таблица). В последующие годы, несмотря на пандемию COVID-19, позиции Китая в качестве одного из основных инвесторов в страны АСЕАН начали набирать обороты. К 2021 г. Китай поднялся на 3-е место с 8% инвестиций, обогнав Японию и уступив только США и АСЕАН. В 2022 г. его доля вновь снизилась до 6%, но в 2023 г. стабилизировалась на уровне 8%.

Крупнейшие источники ПИИ в АСЕАН

Источник	2019 г.	Источник	2020 г.	Источник	2021 г.	Источник	2022 г.	Источник	2023 г.
США	19%	США	25%	США	23%	АСЕАН	15%	США	32%
Япония	13%	Сингапур	10%	АСЕАН	12%	США	13%	АСЕАН	10%
Сингапур	9%	Гонконг (Китай)	9%	Китай	8%	Япония	11%	Китай	8%
Гонконг (Китай)	7%	Япония	6%	Япония	7%	Республика Корея	7%	Гонконг (Китай)	7%
Канада	6%	Китай	6%	Нидерланды	6%	Китай	6%	Япония	6%
Китай	5%	Республика Корея	5%	Гонконг (Китай)	5%	Гонконг (Китай)	6%	Республика Корея	5%
Общий объем ПИИ в АСЕАН, млрд. долл. США	181,9		37,4	1	75,7	1	29,2	2	29,8

Составлено по: [3-5].

Исходя из этого можно сделать вывод, что, несмотря на колебания, в течение последних пяти лет Китай сохраняет устойчивое присутствие среди лидирующих инвесторов в страны АСЕАН.

Если взглянуть на ситуацию под другим углом и оценить, какую долю занимает АСЕАН в китайских иностранных инвестициях, то картина сложится следующая. Доля АСЕАН в общемировом потоке ПИИ из Китая увеличилась с 5% в 2016 г. до более чем 10% в 2022 г. (рис. 1). Инвестиции Китая в АСЕАН растут, но их доля остается относительно небольшой. Это не является свидетельством отсутствия экономического интереса к региону, а скорее отражает стремление Китая к диверсификации инвестиций. Более того, рост показателей в период с 2020 г. по 2022 г., несмотря на глобальные экономические потрясения, говорит о стратегической важности региона для китайской экономики.

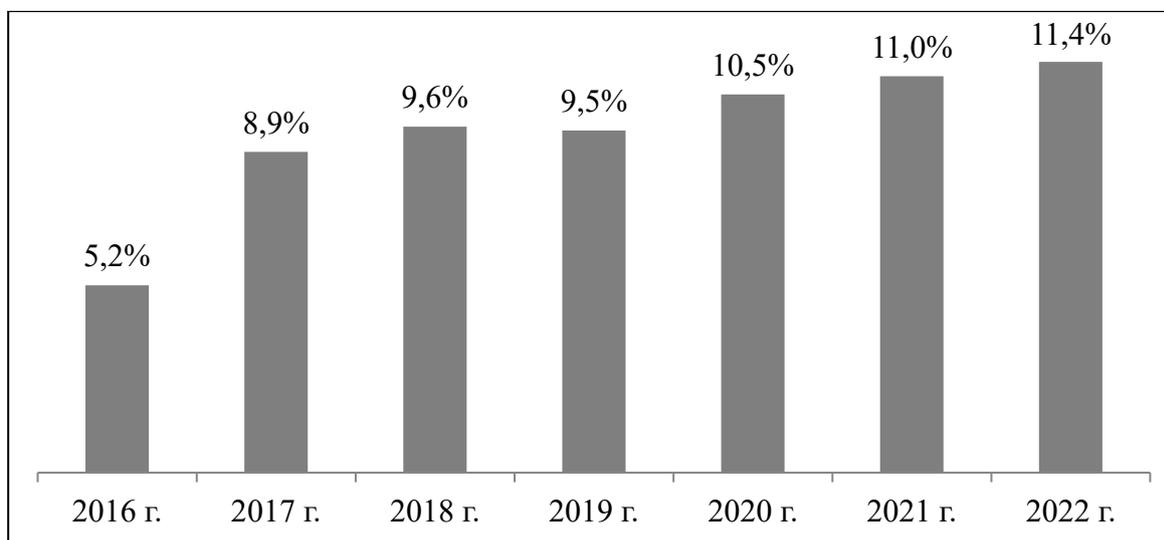

Рис. 1. Доля АСЕАН в мировых потоках ПИИ Китая, 2016–2022 гг. [3]

В период с 2018 г. по 2023 г. потоки прямых инвестиций из Китая в страны АСЕАН демонстрировали нестабильную динамику с выраженными колебаниями (рис. 2). После значительного снижения в 2019 г. до 9 млрд. долл. США и дальнейшего падения в 2020 г. до 7,5 млрд. долл. США, вызванного преимущественно пандемией COVID-19, в 2021 г. произошел резкий рост прямых инвестиций на 126,6% по сравнению с предыдущим годом, что стало свидетельством быстрого восстановления экономической активности после кризиса. В последующий 2022 г. наблюдался небольшой спад до 14,4 млрд. долл. США, но уже в 2023 г. объемы прямых инвестиций достигли нового максимума в 17,6 млрд. долл. США. Таким образом, несмотря на краткосрочные спады, долгосрочный тренд остается положительным, поэтому полноправно можно утверждать, что китайские прямые инвестиции в АСЕАН имеют тенденцию к росту.

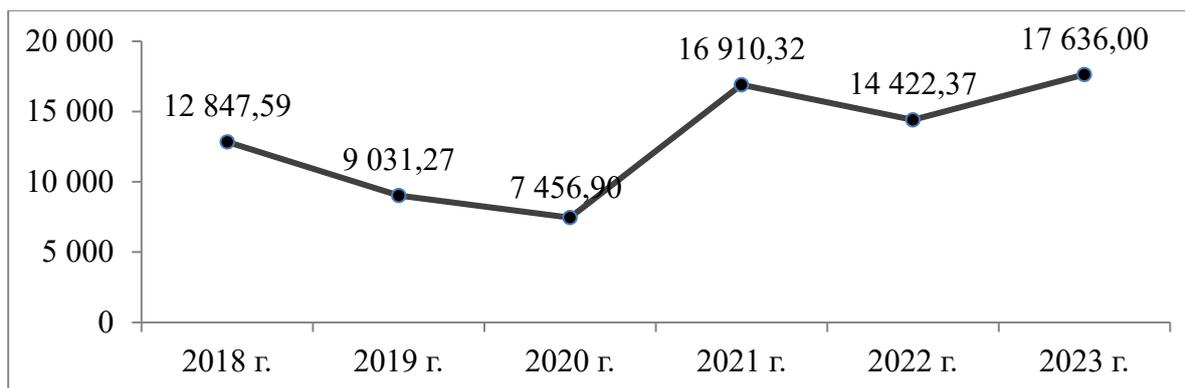

Рис. 2. Потоки прямых инвестиций из Китая в АСЕАН, млн. долл. США [6]

Ключевые тенденции прямых инвестиций Китая могут быть проанализированы с точки зрения их отраслевой принадлежности. Для сравнения структуры китайских прямых инвестиций были выбраны среднегодовые показатели в периоды с 2015-2017 гг. и 2021-2023 гг. (рис. 3).

Рис. 3. Ведущие отрасли-реципиенты прямых китайских инвестиций в АСЕАН [3]

Наиболее заметное увеличение произошло в сфере информации и связи, где объём инвестиций вырос на 498%, что является свидетельством растущего интереса Китая к цифровым технологиям. Второй отраслью по темпам прироста стала обрабатывающая промышленность, где объём инвестиций вырос на 338,4%. При этом основная часть прямых китайских инвестиций в рамках данной отрасли направляются в Индонезию, Вьетнам, Сингапур и Малайзию [7]. В оптовой и розничной торговле инвестиции увеличились более чем в два раза, отражая расширение китайского присутствия в потребительском рынке региона, при этом большая часть

приходится на Сингапур [7]. Вложения в недвижимость и строительство остаются приблизительно на одном уровне, что говорит о долгосрочных интересах Китая в данных секторах. Однако отрасль финансов и страхования, напротив, показала снижение инвестиционной активности на 39,5%.

Рассмотрим динамику внешнеторгового оборота стран АСЕАН и Китая в период с 2018 по 2023 гг. (рис. 4) В 2023 г. показатель составил 696,86 млрд. долл. США, что на 45,62% (218,32 млрд. долл. США) больше, чем в 2018 г. Стоит отметить, что в 2023 г. по сравнению с 2022 г. показатель внешнеторгового оборота снизился на 3,47% (25,05 млрд. долл. США). В большей мере снижение было вызвано сокращением объема импорта АСЕАН из Китая на 5,01% (21,62 млрд. долл. США). Однако показатель экспорта из АСЕАН в Китай также снизился на 1,18% (3,43 млрд. долл. США). Такие изменения гипотетически могли быть вызваны снижениям цен на сырьевые товары, импортируемые Китаем из стран АСЕАН.

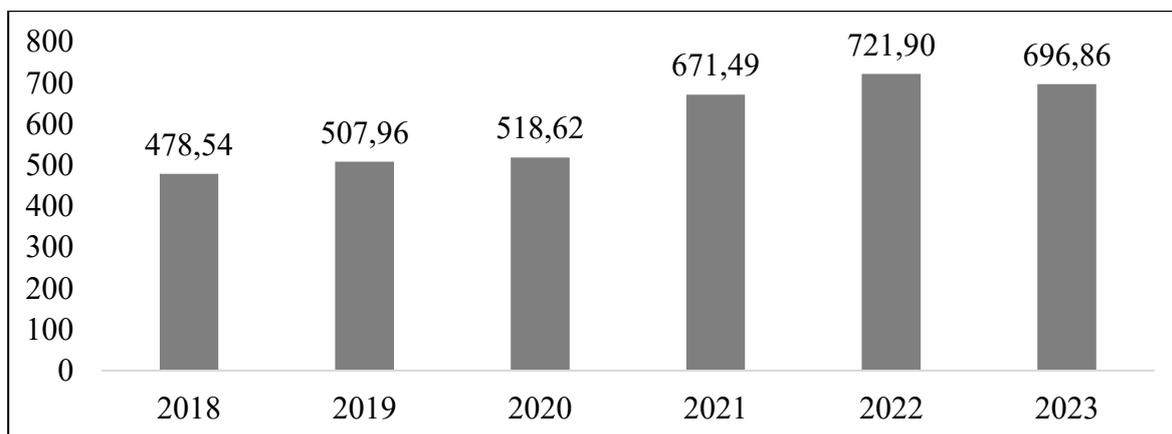

Рис. 4. Внешнеторговый оборот АСЕАН и КНР [8]

Экспорт АСЕАН в Китай в 2023 г. составил 287,39 млрд. долл. США, что на 45,38% (89,71 млрд. долл. США) выше показателя 2018 г. (рис. 5) Импорт АСЕАН из КНР в 2023 г. составил 409,47 млрд. долл. США, что на 45,79% (128,61 млрд. долл. США) выше, чем в 2018 г. В структуре внешнеторгового оборота в течение анализируемого периода (2018-2023 гг.) наблюдается преобладание импорта. Доля импорта из Китая во внешнеторговом обороте АСЕАН и Китая составила в 2023 г. составила 58,76%.

Весь анализируемый период отмечается отрицательным сальдо торгового баланса для АСЕАН во внешнеторговых отношениях с КНР. В 2023 году дефицит торгового баланса составил 122,09 млрд долл. США, что на 18,19 млрд меньше (12,97%), чем в 2022 году, что связано со значительным сокращением импорта АСЕАН из КНР. Максимальный показатель

торгового дефицита, зафиксированный в 2022 году (140,28 млрд долл. США), мог быть результатом восстановления экономики КНР после пандемии COVID-19 и активным противостоянием КНР США на глобальном рынке товаров и услуг. Однако, показатель 2023 года на 38,91 млрд долл. США выше, чем показатель 2018 года [8].

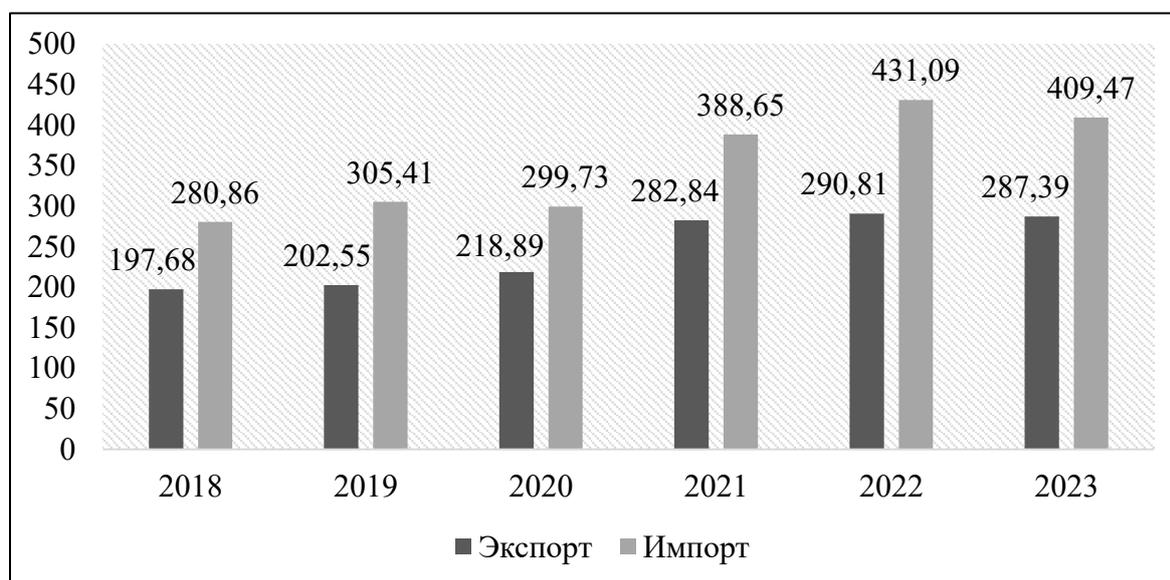

Рис. 5. Экспорт и импорт стран АСЕАН в/из КНР, млрд. долл. США [8]

Проанализируем структуру экспорта и импорта АСЕАН в Китай в 2018 и 2023 гг. (рис. 6) Наибольший объем экспорта как в 2018, так и в 2023 г. пришелся на товары категорий «Electrical machinery and equipment», «Mineral fuels, oils and products of their distillation» и «Nuclear reactors, boilers, machinery». Экспорт по данным категориям товаров увеличился в 2023 г. Так, экспорт электрического оборудования увеличился на 28,7 млрд. долл. США, минерального топлива и масел на 5,9 млрд. долл. США, ядерных реакторов и оборудования на 8,5 млрд. долл. США. Однако наблюдается снижение на 2,5 млрд. долл. США экспорта пластика, также снизился экспорт органических химикатов. Четвертым по объему экспорта товаров в 2023 г. стало железо и сталь (18,8 млрд. долл. США), пятым – фрукты и орехи (11,6 млрд. долл. США). В 2023 г. основным экспортером электрического оборудования в Китай с объемом экспорта 31,6 млрд. долл. США является Вьетнам. Сингапур экспортировал большую часть ядерных реакторов и оборудования (11,9 млрд. долл. США). Наибольший объем экспорта минерального топлива и масел, железа и стали из стран АСЕАН в Китай пришелся на Индонезию (17,6 и 18,3 млрд. долларов США соответственно).

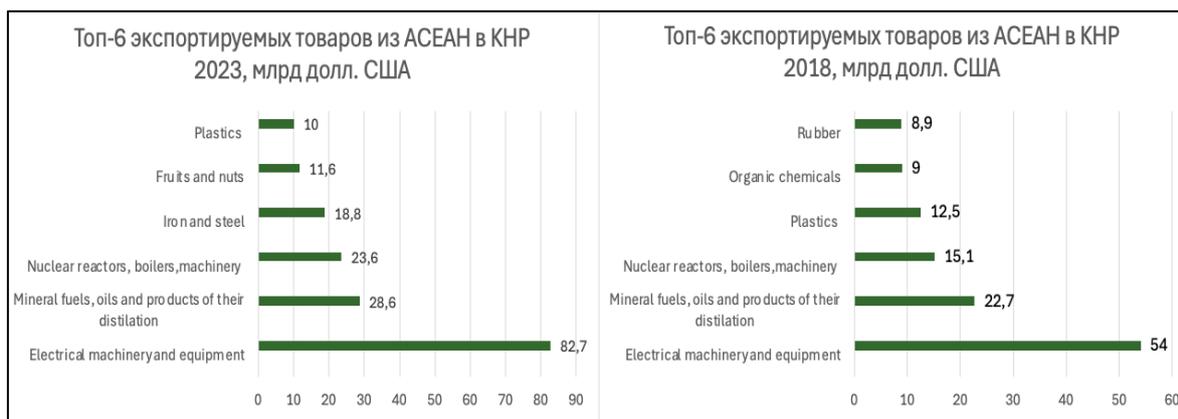

Рис. 6. Товары-лидеры экспорта из АСЕАН в КНР, млрд долл. США [8]

Лидирующими категориями товарами, импортируемыми АСЕАН из КНР в 2023 г., являются «Electrical machinery and equipment» и «Nuclear reactors, boilers, machinery» (рис. 7).

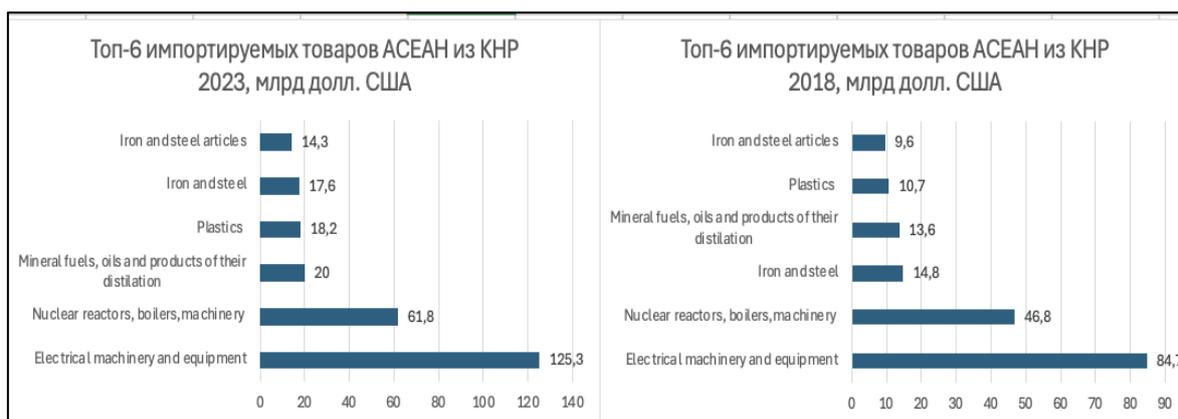

Рис. 7. Товары-лидеры импорта АСЕАН из КНР, млрд долл. США [8]

Стоит отметить, что по сравнению с 2018 г. импорт этих товаров увеличился на 40,6 и 15 млрд. долл. США соответственно. Также отмечается увеличение импорта АСЕАН минерального топлива и масел на 6,4 млрд. долл. США. Основной импорт электрического оборудования пришелся на Вьетнам (42,8 млрд. долл. США), ядерных реакторов и оборудования Индонезия (14,6 млрд. долл. США). Вьетнам и Индонезия, как отмечалось ранее, являются лидерами также и по экспорту указанных товаров. Такие результаты структуры экспорта и импорта могут быть связаны с локализацией китайских производств в этих странах, особенно по производству электрических автомобилей, электрической техники, смартфонов во Вьетнаме, а также присутствие китайской национальной ядерной корпорации в Индонезии.

Сравнение зависимости страны АСЕАН от экспорта Китая в 2017 и 2022 гг. показывает, что доля Вьетнама в мировом экспорте Китая существенно возросла с 3,16 % до 4,04 % [8]. Малайзия, Лаос, Сингапур и Мьянма также сильно зависят от китайской экономики.

Анализируя структуру экспорта КНР по торговым партнерам в 2024 году, отмечается, что Вьетнам является третьим торговым партнером по доли экспорта, а также, Вьетнам является основным реципиентом китайского экспорта среди стран АСЕАН. Вьетнам имеет 10 позиций с экспортным оборотом более 1 миллиарда долларов США каждая, включая телефоны и комплектующие; компьютеры, электронные товары и комплектующие; фотоаппараты, видеокамеры и комплектующие; фрукты и овощи; машины, оборудование, инструменты и запасные части. Импортные товары с китайского рынка представлены в основном продукцией и сырьем для производства экспортных товаров, таких как машины, оборудование, химикаты и химическая продукция, пластмассы всех видов и изделия из них, текстильные материалы, кожа и обувь, железо и сталь, строительные материалы. В последние годы, несмотря на вялую динамику мировой торговли, рост импорта-экспорта Вьетнама с Китаем остается одним из ярких примеров [8].

В настоящее время Китай является первым рынком для Вьетнама, двусторонний товарооборот с которым в январе-августе 2024 года достиг 130,8 миллиардов долларов США. Импортно-экспортный оборот между двумя странами в среднем достигает около 16 миллиардов долларов США в месяц [2].

Переходя к выводам, следует отметить, что побочный эффект ухудшения экономических и политических отношений между двумя сверхдержавами США и Китаем оказался возможностью для других стран. Так, для Вьетнама с точки зрения внешнеторговых отношений, торговая война имела положительные последствия для экспорта как в США, куда страна поставляет, прежде всего, потребительские товары, такие как материалы из текстиля, одежда, изделия из древесины, компьютеры и телефоны и др., так и в Китай, экспорт, который в основном сводится к овощной продукции, компьютерам, телефонам и др.

Безусловно, причиной возникновения такой ситуации, например, связанной с ростом экспорта в США в условиях торговой войны является то, что конкурирующие с вьетнамской продукцией китайские товары, на которые США накладывают высокие тарифы, становятся для американских потребителей менее привлекательными по ценовому фактору, что и обеспечивает увеличение поставок продукции на рынок США со стороны Вьетнама. Еще одним плюсом американо-китайской торговой войны является то, что некоторые компании начали переносить свое производство

из Китая в Вьетнам или диверсифицировать свои операции, расширяясь на вьетнамский рынок. Не в последнюю очередь привлекательность Вьетнама для китайских инвестиций и переноса китайского производства в эту страну обусловлена как стабильностью государственного управления, дешевой рабочей силой и выгодным для Китая географическим положением. Используя эти преимущества, Китайские компании используют Вьетнам для реэкспорта товаров с льготными тарифами в рамках РСЕР это предполагает, что китайские компании могут через Вьетнам заниматься реэкспортом, например в страны АСЕАН, а также в США.

Несмотря на ряд преимуществ, которые получает Вьетнам (а, в последующем и страны АСЕАН) от сотрудничества с Китаем такие активные торговые отношения ставят перед Вьетнамом ряд угроз. Во-первых, когда Китай увеличит свой экспорт во Вьетнам, это приведет к увеличению торгового дефицита Вьетнама с Китаем, и национальные предприятия Вьетнама столкнутся с большей конкуренцией со стороны китайских товаров. Во-вторых, так называемая “долговая ловушка” китайские кредиты на инфраструктуру могут привести к потере контроля над стратегическими объектами (например Порт Хайфон – китайские компании получают долгосрочные права управления), что в свою очередь приведет как политическим, так и к ряду экологических проблем.

Таким образом, в работе была рассмотрена роль Китая в общем потоке прямых иностранных инвестиций в АСЕАН. Выяснилось, что в последние годы позиции Китая в качестве одного из основных инвесторов в страны АСЕАН начали набирать обороты, и к 2023 г. Китай стал третьим по величине инвестором в АСЕАН. На основании рассмотренной в статье динамики можно сделать вывод, что китайские прямые инвестиции в АСЕАН имеют тенденцию к увеличению в долгосрочной перспективе. При этом на данный момент основными и наиболее перспективными направлениями китайских прямых инвестиций в АСЕАН являются информация и связь, обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля.

В свою очередь динамика внешней торговли между КНР и АСЕАН показывает, что страны являются взаимно важными и взаимозависимыми экономическими партнерами, чему способствовали как региональные инициативы (например, Зона свободной торговли Китай–АСЕАН), так и глобальные факторы, включая переориентацию цепочек поставок.

К факторам, которые способствуют укреплению сотрудничества, относятся географическая близость, взаимодополняемость экономик и политическая инициатива сторон к углублению сотрудничества. Однако существуют и угрозы, такие как конкуренция за инвестиции, торговый дис-

баланс, характеризующий зависимость стран АСЕАН от китайских товаров, технологическая зависимость производств стран АСЕАН от Китайских технологий и поставщиков электронного оборудования. Именно поэтому в настоящее время страны АСЕАН стараются балансировать экспорт, импорт и иностранные инвестиции между США и Китаем, чтобы не усиливать зависимое положение в отношениях с Китаем.

Библиографические ссылки

1. Юрова, Н. В., Цзяхуэй Я. Экономика Китая: учебное пособие. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/309922/3/yurova_jiahui%20yao.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

2. Вьетнам Плюс. Вьетнамско-китайский товарооборот достиг почти 130,8 миллиарда долларов США. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/v-etnamsko-kitaiskii-tovarooborot-dostig-pochti-1308-milliarda-dollarov-ssha-post72369.vnp> (дата обращения: 10.05.2025).

3. ASEAN Investment Report 2024. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/AIR2024-3.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

4. ASEAN Investment Report 2020-2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/AIR-2020-2021.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

5. ASEAN Investment Report 2022. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/10/AIR2022-Web-Online-Final-211022.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

6. Flows of Inward Foreign Direct Investment (FDI) into ASEAN by Source Country (in million US\$). URL: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources> (дата обращения: 10.05.2025).

7. Huld, A. China-ASEAN Trade and Investment Relations. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-asean-trade-and-investment-relations/> (дата обращения: 10.05.2025).

8. Trade in Goods (IMTS), Annually, HS 2-digit up to 8-Digit (AHTN), in US\$. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (дата обращения: 10.05.2025).